

Охотник на мафию - 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Михаил Шелест

18+

Михаил Шелест
Охотник на мафию – 2

«Автор»

2024

Шелест М. В.

Охотник на мафию – 2 / М. В. Шелест — «Автор», 2024

Продолжение (вторая часть) романа про попаданца из 2023 года в тело бандита года 1995. Приморский край богат, но богатства расползаются из рук трудящихся со страшной силой. Период первоначального накопления капитала в России девяностых характеризовался насильственным превращением высококлассных специалистов-производителей в наемных рабочих, а общественные средства производства – в частный капитал. Главный герой, не имея возможности противостоять этому процессу политически, начинает войну с коррумпированными чиновниками.

© Шелест М. В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	12
Глава 4.	18
Глава 5.	24
Глава 6.	30
Глава 7.	36
Глава 8.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Шелест

Охотник на мафию – 2

Глава 1.

– Я сам, Юра, сначала не поверил. Думал, крыша поехала у Субботина. Думал, что ему кто-то сказал про то, что убили Мамаева и где убили. И что он сопоставил, и у него сорвало крышу.

– Такое бывает. Сам было дело, едва не «поплыл», когда узнал про ребят, что под водой остались у потёкшего реактора.

– Ну, вот. И я тоже... Со всем пониманием, – горячился Кобелев, – а он, херак! Сначала про убийство Баула. Потом про два авианесущих крейсера и весь расклад, главное. Кто, где подписал и кто будет просить за эти крейсера.

– Ты про «Минск» с «Новороссийском»? Так, ушли же крейсера? Утащили их корейцы! – Старовойтов саркастически хмыкнул.

– Ушли? – переспросил Кобелев ухмыляясь во все тридцать два зуба. – А как ушли, знаешь?

– Как? – нахмурился Старовойтов.

– Субботин... Э-э-э-э... Будем называть его так, хорошо?

Полковник УОПа1 пожал плечами и нацепил на вилку четвертинку ломтика лимона. Разжевав его, он с ожиданием уставился на Кобелева. Тот сглотнул наполнившую рот слюну и продолжил.

– Субботин установил на один из крейсеров компьютер с какой-то хитрой программой и когда американцы включили системы управления огнём, ракеты выбрали цели и полетели в нужных направлениях. В итоге...

Кобелев тоже нацепил вилкой лимон и отправил его в рот после выпитого коньяка. Он с удовольствием «цыкнул» губами и, сказав: «А-а! Хорошо!», продолжил.

– В итоге авианосец «Авраам Линкольн» получил серьёзные повреждения – к сожалению, почти все наши ракеты его средства ПВО сбили. Три F-15 сбиты и утонули в месте с пилотами. Самолёт-разведчик «Авакс» сбит двумя ракетами и развалился на высоте пять тысяч метров. Ни один пилот не выжил.

Старовойтов рот не раскрыл только потому, что сидел с плотно сжатыми губами.

– Как-то так, Юра... – закончил Кобелев.

– Вот тебе и Субботин, – проговорил Старовойтов.

– Да! – вспомнил начальник Приморского ГРУ. – Наши крейсера после выполнения последней миссии, целенаправленно затонули.

– Серьёзный парень! – покачал головой заместитель начальника по оперативной работе УБОПа2. – Рассказывай дальше про Мамаева.

– Налью?

– Наливай!

– Так вот... Он много чего наговорил, кое что написал. Вернее... Написал он много чего, но я почти всё повычёркивал, и он переписал. Не всё нашему руководству надо знать.

– Так твоё начальство про Субботина знает?

– Естественно! Он, между прочим, полковник ГРУ. ШНСЗ. У вас такие тоже есть.

– У всех такие есть, – пробурчал Старовойтов и покрутил головой. – Ишь ты... Полковник. В штате... А я хотел его брать и закрывать на тридцать суток – по убийству Мамаева – и колоть его в ИВС до усрачки.

- А, ты думаешь, почему я его тебе раскрыл?
- Да? Протекло?
- Нет. Но я же не дурак?
- Не дурак, – хмыкнув, согласился Старовойтов. – Вовремя. А я думал, зачем ты меня вызвал? Что за надобность? А оно, вон оно что!

Глава 2.

Вечером того же дня Кобелев с Субботиным сидели в сауне спорткомплекса «Олимпийский». Сауна была не «финская», а с паром. Но называлась «сауна». Почему не баня? Да, потому, что модно так теперь было называть.

Слово «баня», конечно, вызывало мысленное продолжение: «через дорогу раздевалка» и ассоциировалось у Мамаева с оцинкованными тазиками, бетонным полом и бетонными широкими скамьями, на которые ставились тазики и садились моющиеся, двумя кранами горячей и холодной воды, деревянными решётками на полу и, главное, – множеством мужских голых тел. В СССР бани были общие. А в некоторых банях было даже разделение на женские и мужские дни.

Однако в девяностые годы перестройка продолжалась и касалась самого ценного в человеке – традиций и человеческих ценностей. На видиках и в телевизорах продолжали буйствовать американские героини-одиночки. Мальчишки, от мала до велика, стремились попасть в преступные группировки, возглавляемые криминальными авторитетами, а девчонкам не зазорно было торговать своим телом.

– Ты, Серёжа, как-то лечил меня, помнишь? – спросил Кобелев.

Мамаев поковырялся в памяти Субботина и сказал.

– Помню, Иваныч, такое. Но это же когда было? Когда телом управлял Серёга. Сейчас и не знаю, получится ли?

Мамаев не скромничал. Он точно знал, что подправить своё тело у него получится, так как видел и ощущал его хорошо. А вот увидит ли, что там внутри у Кобелева, ещё не знал.

– Попробуешь? После твоего массажа я хоть ходил почти как здоровый.

Тело Кобелева, пострадавшее от нескольких тяжёлых ранений в ноги и спину, двигалось плохо и постепенно из года в год боли усиливались. А Субботин, постигая дзэн, давно, как оказалось, увлекался восточной медициной, массажами и иглотерапией и даже практиковал лечение, тренируясь на особо смелых пациентах, потерявших всякую надежду получить облегчение своим страданиям традиционными способами лечения.

– Попробую. Только у меня с собой кроме рук ничего нет, – пошутил Юрий. – Ложись на скамью.

Предбанник представлял собой небольшую комнату отдыха с кабинками для одежды, со столом и двумя скамьями.

– Низковато, – примерился к телу Кобелева Юрий. – Спина колом встанет. Моя спина.

– Может, я на стол лягу? – спросил Кобелев. – Думаю, на нём не только едят, и мы не оскорбим его моим телом. А сами мы ни есть, ни пить вроде не хотим, да?

– Логично, – согласился Мамаев.

Кобелев поднялся со скамьи и, подстелив простынь, перебрался на стол. Юрий сдвинул в сторону скамью и примерился к столу. Его бёдра возвышались над столешницей.

– Да-а-а... Удобный траходром, – оценил он.

– А я, что говорю. Дай мне что-нибудь под голову.

Устроив «пациента» поудобнее, Юрий посмотрел на спину Кобелева и всё, что её ниже.

– «Начнём колдовать», – подумал он.

Умаслив тело Кобелева, Юрий прошёлся по нему, размазывая массажную жидкость, услужливо предоставленную сауной. На бутылочке было написано «Антицеллюлитная ...». Консистенция жидкости Мамаеву понравилась. Пальцы скользили умеренно.

Он раньше не был любителем делать кому бы то ни было массажи. Субботин, тот да. При любом удобном случае предлагал свои услуги коллегам «поправить здоровье». Те сначала

смеялись, понимая его «по-своему», а потом с удовольствием принимали оздоровительные процедуры. Особенно это способствовало восстановлению тела после марш-бросков.

На вопросы соратников: «А ты как же?» Субботин отвечал, что и сам таким образом отдыхает. И это было правдой. Он не столько отдавал энергию во время массажа, сколько принимал. «Пациент» таким образом расслаблялся и засыпал, а Субботин «подпитывался» и за счёт чужой энергии восстанавливался изнутри.

Мамаев тоже неоднократно был подвержен Субботинским «экзекуциям» и, в общем-то, помнил все его манипуляции с его и чужими телами. Именно поэтому, «пробежавшись» пальцами по спине и ниже до пяток, Мамаев вдруг почувствовал, что и его организм «включился» на исцеление пациента.

Однако Юрий пошёл другим известным ему путём. Он переложил ощущения своего организма на тело Кобелева и увидел перед собой энергетические потоки: один двигался по позвоночнику вниз, а два светились с обеих сторон от центральной линии и входили-выходили через пальцы ног и рук. Потоки имели сложную структуру, а Юрий не пытался в них разобратся. Он не собирался касаться этих потоков.

Как и в своём теле, Юрий концентрировался только на ранах, но если у него раны были свежие и лечение заключалось в ускорении регенерации, то у Кобелева раны были старые и срослись уже давно. Причём срослись не очень правильно, а от того энергетические и жидкостные потоки в этих местах проходили труднее, а от того сорбировали соли, которые и раздражали нервные окончания.

– Ты знаешь, Иваныч, я не смогу тебя вылечить, – с сожалением произнёс Мамаев. – Тут всё так сложно. Заросло всё, блять, хрен знает, как.

– Да, ты помни меня просто. Мне от твоего массажа легче становится. Я понимаю, что то, что неправильно срослось, не вылечишь. Не ломать же и не резать заново.

– Тут позвоночник в крестце просто задубел, – Юрий горестно вздохнул. – Я просто помну тебя, ладно? Может что и получится.

– Мни, мни, Серёжа. Мне уже хорошо, – почти застонал Кобелев, реагируя на очень лёгкие осторожные массирующие движения друга.

Мамаев непонимающе скривился, но массаж не прервал, а наоборот усилил нажим. Он гладил спину Кобелева от шеи к крестцу по мышцам вдоль позвоночника. Потом стал проглаживать межрёберные мышцы, начиная движение от позвоночника.

Ему показалось, что жидкостные потоки – лимфы и крови – своё движение ускорили. Что, впрочем, было не мудрено. Своими нажимами Юрий выдавливал жидкости из мышц. А когда убирал руки, мышцы наполнялись свежими.

– «Как всё просто», – подумал Юрий. – «Артерии внутри, до них хрен достанешь, а если достанешь, не продавишь. Вены и лимфа снаружи и сосуды, снабжённые клапанами, работают, если на них надавить, как насос «лягушка».

Юрий попробовал мысленно сосредоточиться на крестце и увидел, что, оказывается, тазовая кость соединяется с ним суставом.

– О, бля! Ни хрена себе! – удивился Юрий. – А я думал там сплошная кость.

– Ты о чём? – тихо спросил Кобелев.

– Да-а! Долго объяснять! Спи! Не мешай!

Крестцово-подвздошный сустав – «вспомнил» Юрий – был воспалён.

– Артроз, – сам себе сказал Юрий. – Сустав тугой. Связки плотные. Подвижность сочленения максимально ограничена. Но должна быть... А её нет...

Юрий не сильно надавил обеими ладонями на крестец. Кобелев вскрикнул.

– Понятно. Ходить тяжело? – спросил он. – Отдаёт сюда?

– Отдаёт, – просипел Кобелев.

– Хреново! Хряща уже практически нет. Давно болит?

– С Афгана ещё. На броне ехали, а БТР подорвался на mine. По сраке стукнуло так, что ходить не мог. Потом, вроде, прошло. Снова заболело лет пять как назад. Серёга поколдует-поколдует, вроде полегчает... Э-э-э... Ну, в смысле, ты если поколдуешь, то легче становится.

– Да, понял я, понял, – с раздражением бросил Юрий и увидел, как воспалённый сустав вспыхнул алым светом.

– Ай! – вскрикнул пациент. – Ты что творишь? Больно же!

– Так... Я, вроде бы не нажимал, – промямлил Юрий.

– Ага! Не нажимал! Осторожнее.

– Ладно-ладно, – пообещал Мамаев, погасил раздражение и стал заставлять себя думать о приятном. Например, о том, что договорился о встрече со своей женой завтра утром. Он хотел передать ей денег и заезжал сегодня к ней на рынок. Но она не стала их брать, побоявшись, что там на рынке деньги могут украсть. Договорились, что Субботин зайдёт к ней с деньгами утром, перед её работой. Как и в прошлый раз.

Подумав об этом, Юрий увидел, как воспалённые суставы «остыли». Ему даже показалось, что из его ладоней, лежащих у Кобелева чуть ниже поясницы, стал струиться синий водяной поток. Он даже приподнял правую ладонь, но ничего такого не увидел.

Мамаев не держал ладони над суставами. Он стоял сбоку и так держать руки было неудобно. Руки лежали на позвоночнике: правая на крестце, левая выше. И через щель между ладонями он и видел проходящие в теле пациента метаморфозы.

Потоки сине-зелёного света истекали по сосудам из позвоночника в обе стороны по передним и задним связкам, растекалась по суставным поверхностям.

– О-о-о! – блаженно простонал пациент. – Ты чудесник.

– Молчи, Слава, – прошептал «чудесник».

Мамаев «увидел» как поток энергии, вытекающей из его ладоней, растёкся по всему тазу и коснулся верхних суставов бедренных костей. Правый сустав тоже пылал алым.

Юрий ещё немного понапрягался и вдруг его сила иссякла. Ещё мгновение назад он чувствовал, физическую связь своих ладоней с телом Кобелева, и вдруг энергетическая «подушка» исчезла и его руки коснулись его тела.

– Оппа! – сказал Мамаев от неожиданности и продолжил. – Оппа- оппа Америка, Европа.

– А я думал, ты по-другому срифмуешь, – тихо усмехнулся Кобелев. – Всё, да? Сеанс окончен?

– Тоже почувствовал?

– Ага. Серёга тоже так же заканчивал. Резко. Раз, и всё.

– Сила кончилась, – хмыкнул Юрий.

Кобелев поднялся, усевшись на стол.

– Не болит, – сказал он, прислушиваясь к себе и ёрзая на столе.

– Пошли пропарю, – предложил Мамаев.

Парились они долго. Сначала Юрий обрабатывал тело друга сразу двумя дубовыми вениками. Кобелев покряхтывал и постанывал от удовольствия. Потом, после перерыва, веники взял Кобелев и отходил Мамаева так, что тот едва выполз из парилки.

Хорошенько протерев стол водкой, они постелили скатерть, поставили на него самовар, заварник, кружки и плошки с мёдом и начали чаёвничать. Чай, как и коньяк, они любили оба и могли выпить кружки по три. После первой кружки Кобелев сказал:

– Я вот, что тебе, Юра, хотел сказать по Дарькину и Наздратенко.

Мамаев отметил, что назвал он его не Сергей, как Субботина, а по его имени – Юрий.

– Ты в справке упомянул, что чтобы не сгорели в дефолте деньги, и для субсидирования строительство судов, предложил Наздратенко создать свой банк. Так?

– Ну, да! – кивнул головой Юрий.

– То есть, ты не знаешь, что они с Дарькиным уже открыли банк?

– Какой банк? – удивился Мамаев.

– Банк «Приморье». Год назад.

– Где открыли?

– Да, здесь, во Владивостоке. На Светланской, 47.

– В смысле?

– Банк «Приморье», Юра.

– Это их, что ли?

– Их-их, Юра. А ты не в курсе?

Мамаев отрицательно покрутил головой.

– О, бля, – только и смог сказать он.

Кобелев засмеялся.

– Хуже того. Фирма «Ролиз» с девяносто второго года вложилась в строительство шестнадцати новых рыболовных судов. Восемь уже построено и спущено на воду.

– За три года восемь судов? – удивился Мамаев. – Так не бывает.

– Некоторые были заложены ещё в восьмидесятых годах и стояли на заводах недостроенными. Их купили за пол цены.

– Но всё равно, это охрененные деньги. Кто их кредитовал? Какие-то банки?

– Банки не кредитовали. Из собственных средств.

– У них были такие сумасшедшие деньги?! Чтобы достроить суда и компенсировать затраты завода?

– Не-е-е... Всё проще... Они договорились с заводчанами, что те достроят суда. На достройку «Ролиз» дал денег и купил суда в рассрочку за пол цены. Они сдают суда в лизинг рыбакам. «Ролиз» – это же «Российская лизинговая» компания. Рыбаки этими судами ловят рыбу, продают и расплачиваются с «Ролизом». «Ролиз» понемножку возмещает затраты судостроителям. Рассрочка по договорам купли-продажи судов очень большая. Судостроителем хоть бы какие деньги отбить. А если они дотянут до предсказанного тобой дефолта, то и отдавать будет некому.

– Круто! – восхитился Мамаев.

– Интересно то, что фирма «Ролиз» была образована в девяносто первом году. Словно именно под этот проект. Обанкротить судостроителей, по дешёвке выкупить у них суда и начать на них зарабатывать.

– Круто! – повторил Мамаев. – Я восхищён!

– Ну, да. Я тоже восхищаюсь этими ребятами. Деньги, кстати, московских «товарищей». Часть. А часть – губернаторские.

– А! Кстати! Что за судостроители?! Какие заводы? Не зарубежные?

– Не-е-е... Наши, дальневосточные. Хабаровские заводы, Комсомольские, Камчатская верфь, наши Владивостокские.

– Но, вообще-то, – задумчиво произнёс Мамаев. – Ведь они же спасли заводы. Так бы суда просто сгнили на стапелях. А они работают, ты говоришь?

– Работают и хорошие деньги приносят.

– Сука! Я восхищён! А я со своей «Восточной Верфью»... Забрать и поделить, блять. Они уже всё давно поделили.

– Какой верфью?

– Так Владивостокский судостроительный завод будет называться. Вот Евгений Иванович ржал, наверное.

Мамаев помолчал.

– Но ведь я правильно предложил! – вдруг сказал он. – А то, что они об этом раньше подумали, так не моя в том беда.

Кобелев хмыкнул.

– Беда, Юра, в том, что он подумает, что ты что-то прознал – ведь они же это не афишируют – и пытаешься влезть в тему. Они сейчас, наверное сидят и затылки чешут в раздумьях: «Откуда ветер вдруг подул?»

Глава 3.

Евгений Иванович действительно все эти дни обдумывал слова бывшего бауловского боевика и этим же вечером, когда Мамаев с Кобелевым пили чай в сауне, они с Сергеем Михайловичем Дарькиным сидели в подвале банка «Приморье», расположенного в здании бывшего краевого комитета КПСС.

Бывший «Специальный объект №1 Министерства противовоздушной обороны» начали строить ещё до Великой Отечественной Войны. Он соединял своими туннелями убежища бывшего управления НКВД, в котором сейчас обосновался один из факультетов Дальневосточного государственного университета, подвалы крайкома КПСС, штаб тихоокеанского флота. В семидесятые годы туннель пробрили к новому зданию Управления КГБ по Приморскому краю и дальше, к железной дороге.

Там внизу под улицей Алеутской под землёй стоял «на запасном пути» специальный поезд, предназначенный для вывоза партийно-хозяйственной номенклатуры и членов их семей за пределы города. В семидесятые годы городские убежища перестали быть актуальными, так как в Надеждинском районе – в сорока километрах от Владивостока – построили новый спецобъект. Именно поэтому Спецобъект зачах. Кто бы заботился о простом народе, когда свои тела номенклатура спрятала?

Крайком КПСС передал четырёхэтажное здание в центре города крайкому ВЛКСМ, а после девяносто первого года здание перешло в собственность города. Город в 1994 году передал его только что образованному банку «Приморье».

Странно, что Мамаев раньше не сопоставил передачу коммерческому банку такого «лакомого куска» муниципальной собственности с личностью Наздратенко, который с 1993 года возглавлял администрацию Приморского края. Ну, да, Мамаев не был настоящим опером. Он был офицером и командиром СОБРа – специального отряда быстрого реагирования – Управления по организованной преступности при УВД Приморского края.

– Не знаю, что делать с вашим Субботиным, Серёжа, – начал разговор губернатор. – Мы тебе не говорили... Э-э-э... Мы с Бауло – царство ему небесное – имели беседу с ним. С Субботиным, значит. После того, как этот Субботин предупредил Дмитрича о покушении на него.

Лицо Дарькина почему-то зарделось, что не ускользнуло от глаз Евгения Ивановича.

– Ты что, Серёжа? Не злись, что без тебя обсуждали. Не касалось это тебя.

– Да, я и не злюсь, – скривив губы и дёрнув плечами, сказал глава «Ролиза». – Это, действительно, меня не касается.

– Это не касается, да, а вот другие «предсказания» этого бывшего гэрэушника и тебе могут пригодиться. Нам пригодиться.

Наздратенко вкратце пересказал суть справок Мамаева, не забыв перечислить и покушения на Макаренко, Карпова и Захаренко.

Дарькин снова порозовел.

– Это, что, прикол какой-то? – через какое-то время спросил он. – Такое предсказать может только тот, кто сам организатор. Или исполнитель.

– Бауло убили именно в предсказанный Субботиным день, Серёжа. А Субботин в это время находился в Австралии. И всё произошло именно так, как он сказал. И суть даже не в том, что Дмитрич умер от сердечного приступа, а в том, что он всплыл, помахал руками и утонул. Именно так и предсказывал Субботин. И Бауло был трезв. Ну, почти трезв.

– Не пойму, зачем вы мне всё это рассказываете, Евгений Иванович? – откинувшись на мягкую спинку кожаного дивана, спросил Дарькин, снова скривившись. – Вы же знаете,

я не касаюсь не экономических тем. Финансы, лизинг – это моё, а разборки... Разборками занимаются другие.

Он покрутил головой из стороны в сторону.

– Не моё это.

Наздратенко хмыкнул.

– Хорошо. А что ты думаешь о его предсказаниях государственного дефолта и э-э-э... бизнес предложениях? В связи с дефолтом...

– Дефолт? В принципе – невыполнение государственных долговых обязательств вполне возможно. Вы же о Государственных краткосрочных облигациях, наверное, говорите? С целью поднять курс доллара. Я, кстати, говорил об этом давно. Мода на финансовые пирамиды ещё не прошла. Почему мы и вкладываем деньги в материальные блага – корабли, например, а не в ГКО. С государством играть в азартные игры – самого себя не уважать. И своих финансовых партнёров, – добавил он со значением в голосе.

– То есть, Серёжа, ты считаешь, что его прогноз роста стоимости государственных облигаций перед выборами Ельцина – блеф? Пузырь?

– Ну, почему? Вполне возможно, что он и прав, – пожал плечами и скривившись, – сказал Дарькин. – Ельцин может специально поднять курс. Чтобы трудовые коллективы его поддержали.

– Ну, так, может прикупим? И продадим в девяносто седьмом.

– А вдруг они сыграют на понижение уже в девяносто шестом? Сразу после выборов?

– Он называет конкретную дату – 17 августа 1998 год.

Дарькин непонимающе посмотрел на губернатора.

– И что? Я тоже могу назвать дату, но ведь вы же не поверите мне. И правильно сделаете.

– Считаешь, что это хрень собачья?

– Не знаю. И знать не хочу, – довольно резко ответил Дарькин. – Да и нет у нас свободных финансов.

Он замолчал, а потом добавил:

– В достаточных количествах.

– А мои золотодобытчики вкладываются.

Наздратенко задумчиво потёр подбородок.

– Про Владивостокский судостроительный, что скажешь?

– А что тут говорить? Были бы деньги и возможность, купил бы. Там, действительно, легкосплавные корпуса варят. Как, кстати, и на Хабаровском заводе. Я как-то давно докладывал. Году в девяносто втором, кажется.

– Справка сохранилась?

– Надо посмотреть. Полагаю, что сохранилась. Я не понимаю, Евгений Иванович, вы, что, верите в «гон» Субботина, про его ясновидение? Да он – тупой мясник. Его тоже нужно бы грохнуть, – сказал руководитель «Ролиза» и, поняв, что проговорился, резко замолк.

– Ну ка, ну ка... Я что-то не знаю, Серёжа? – удивлённо спросил Наздратенко. – Расскажи...

Дарькин потупил глаза и, покраснев, покрылся белыми пятнами.

– Ничего не могу сказать, кроме того, что Субботин – страшный э-э-э... Ему человека убить – раз плюнуть.

– Это мы про него знаем. Все мы это про него знаем, Серёжа. И Бауло знал, и я, и ты. Но ты сказал «тоже». Ты его на одну полку с Бауло поставил? Так это ты заказал Дмитрича?

Дарькин покачал головой.

– А кто?

Наздратенко говорил тихо, но в его словах чувствовалась такая сталь, что Дарькина от страха затошнило.

- Я ничего не знаю, Евгений Иванович.
- А ведь я всё равно узнаю, Серёжа. Шила в мешке не утаишь.
- Это не я, – твёрдым голосом сказал Дарькин.
- Но ведь ты знаешь кто, – усмехнулся Наздратенко. – Знаешь!

Они помолчали. Дарькин сидел, не поднимая глаз с красно-жёлтого коврового покрытия бункера.

- Ладно, проехали.
- Наздратенко глубоко задышал.

– Бауло был положенцем. За ним стояла вся Приморская братва, Серёжа. И если мы проедем губернаторские выборы... Если меня не поддержит братва...

- Наздратенко задохнулся. Его лицо покраснело. Он покрутил головой и ослабил галстук.
- Я вас на лоскутки порежу.

Он привстал с дивана и навис над собеседником.

- Но это не я! Не я! – зашептал тот.
- Наздратенко сощурился, словно шёл против ветра с пылью.
- Я сказал!

– Я всё сделаю, Евгений Иванович. Мы всё сделаем!

Наздратенко помолчал и спросил:

– Так и, что мне с этим Субботиным делать? Я, так понимаю, что к себе ты его брать не собираешься?

Дарькин брезгливо передёрнул плечами.

– Понятно... А Карпов?

– У него сейчас разборки с Николаевым и Готовым. Думаю, что и он, и они захотят иметь Субботина на своей стороне. Но... Не думаю, что Абдула встанет на чью-то сторону. Он был под Баулом. Даже не «под», а «вместе» с Баулом. Да, вы знаете, наверное.

– Знаю-знаю, – покивал Наздратенко. – Ладно, пошли, Серёжа.

Руководитель администрации Приморского края тяжело поднялся.

– Как же трудно с вами, молодёжь. По беспределу идёте.

– Да причём тут я, Евгений Иванович! – вдруг вырвалось у Дарькина. – Карпов его... За жену свою. Вы же помните, как Дмитрич материл его, что она лезет не в свои дела. И то, что Карп, общие деньги положил на её счета.

– Ну, – удивился Евгений Иванович.

– Ну и вот...

Дарькин развел руки.

– Вот и заказал.

– Бля-я-я... Вот придурок! Личное поставил выше общественного! Вот, блять, урод! – махнул рукой будущий губернатор. – Из-за жены? Да какая она ему, блять, жена?! Да-а-а...

Он развёл руки в сторону и покачал головой.

– Охуеть! Ну, что за люди?!

* * *

Евгений Иванович вышел из здания банка и сел в свой «Ленд Круизер».

– В администрацию, – хмуро сказал он.

Настроение было испорчено напрочь.

– Эх, Игорёк-Игорёк, – проговорил задумчиво губернатор. – Куда ты полез?

– Это ты про кого? – спросил его Клигер, сидевший на переднем сиденье, разворачиваясь всем телом к губернатору.

– Да, про Карпова. Потом расскажу.

– Узнал про Баула? – усмехнулся старик.

Наздратенко округлил от удивления глаза.

– О, блять! Знают все! Один только я не знаю! – возмутился губернатор.

– Ну... Все не знают. Да и я недавно узнал. Сорока на хвосте принесла. За этим, кстати, и приехал. Да, что-то заболтал ты меня вчера и сегодня. А я забыл, зачем приехал. Старею...

– Ладно. Не будем об этом здесь, – сказал мрачно Евгений Иванович. Настроение ещё сильнее испортилось.

– Неправильно это, Сергей Пейлатович. Нельзя так поступать со своими...

– Нельзя, Евгений Иванович.

– Тем более, без спроса старших.

– Совершенно с вами согласен.

– Полагаю, кто-то считает себя положенцем.

– Он сильно ошибается, Евгений Иванович.

– Значит, этого кого-то надо поправить.

– Поправим, – кивнул головой водитель.

– Только не прямо сейчас.

– Понятно. Присмотримся. Поспрошаем.

– Торопиться не надо. У него много денег общих.

– Торопиться не будем.

– Деньги надо выводить.

– Я поговорю с ним.

– И, Пейлатыч... Хватит тебе, наверное, по разработкам мотаться! Может, чем другим займёшься? Тебе уже сколько? Шестьдесят один же? Старательские конторы останутся за тобой, а ты займись чем-нибудь для души. Баскетболом, например.

– Баскетболом? – удивился Клигер. – Да какой тут баскетбол? Зимой «Шахтёр» сыграл кое-как, и всё. Нет денег. С февраля команда практически распалась.

– Это ты мне про деньги говоришь? – усмехнулся Наздратенко. – Денег у нас, Пейлатыч, как грязи. Сам знаешь. Нам, главное, – команду не потерять, тренеров. Поддержи их наплаву, пока я стану губернатором. Потом официально на бюджет возьмём. Или заставим кого-нибудь взять. Вон, Лазарева, например и заставим. Он копытом землю роет у себя на сопке, просит землю для развития. Вот пусть развивается и баскетбол краевой развивает.

– Понял. Нормально придумано. А с Португалией завязываем?

– Да, ну её на хер, Пейлатыч. Срочно выводим оттуда деньги. Слава богу, ещё особо не вложились.

– Ну, как не вложились? – покрутил головой Клигер. – Почти лимон.

– Продайте лицензию и окупится.

– Ты, что-то резко, Евгений Иванович, всё порешал. Людям сказать надо, посоветоваться.

– Люди мне доверили свои деньги. Я за них отвечаю и сам решаю. Прогнозы плохие, Пейлатыч. Говорю тебе... Выводи деньги из Ганы4! И быстро. Чтобы до конца года валюта была здесь. Переводи в банк.

– Приморье?

– Приморье-Приморье. На свой счёт.

– Мне ехать в Африку? Очень не хочется.

– Доверенность заму сделай. Адресную. На определённые действия. Мы всё подготовим. Подпишешь и всё. Сам занимайся баскетболом. На базе «Восхода» пока. Собирай команду. Езди по краю, привлекай. Нам на руку. Всё развалилось. Можешь и дальше скататься. Но за нашим регионом. А то играть не с кем будет.

Наздратенко рассмеялся. Ему самому понравилась его идея, только что его озарившая.

– Это мысль. Поиграем пока с вузовскими командами, потом – через годик – перетянем игроков к себе.

– Года через три выйдете на высшую лигу.

– Да, легко. Если деньги будут.

– Будут, Пейлатыч, будут.

Клигер остановил «Лэнд Круизер» возле штаба флота на корабельной набережной, и они пересели в машину Клигера.

– Машина чистая?

– Чистая. Чужая.

– Хорошо. Хотел тебя попросить, Пейлатыч. Тут парнишка один проявился. Был Бауловский. Абдула кличут. Вроде как позиционировался чистильщиком.

– Помню такого. И что с ним не так?

– После ранения стал гнать, что видит будущее.

Клигер хмыкнул.

– Бывает.

– Гонит, не гонит, хрен знает, но финансовые прогнозы даёт реальные. Потому я и задёргался. Могли бы сильно впухнуть с рублями.

– Так зачем же мы валюту из Африки...

– Потом поясию. Прокрутим её и снова конвертируем.

– Слово то какое, – хмыкнул Клигер.

– Не сбивай! Короче! За парнишкой надо походить, прощупать его, пробить по ментовской линии.

– Я тебе сразу скажу. По ментовской теме он чист. Менты его ненавидят всеми фибрами. Недавно отхерачили. Как только он из больнички вышел. И слух ходит, что он мента завалил. Командира СОБРа. Бывшего кореша, между прочим.

– Я в курсе, Пейлатыч, – скривился Наздратенко. – Случайно он. Сам не свой сейчас ходит. Так что это не аргумент.

– Ну... Аргумент, не аргумент... А у братвы он сейчас в авторитете. Уважают его. Ходят слухи, что даже Джем, им заинтересовался. Вместо Баула думает поставить его над Владивостоком.

– Он же не сидел, – удивился Наздратенко.

– Да, сейчас по херу все понятия, шеф. Спортсмены и беспредельщики рулят. Сколько ставленников уже замочили?! В Уссурийске, здесь... Валют и валют. Валют и валют. Беспредел. Даже воры – воров. Сложное время. От Джема братве пришла малява пощупать Абдулу за вымя. Как только Баула утопили... Буквально через неделю и пришла.

Наздратенко хмыкнул и произнёс усмехаясь:

– Быстро они сориентировались. И что-то выдоили?

– С гэрэушниками он якшается.

– А с кем ему ещё общаться? Он же сам ГРУшник.

– Не с бывшими, а с нынешним начальником ГРУ. Кобелев его фамилия. Знаком?

– Знаком. Что, часто общается?

– Да, раза два за это время встречались.

– ГРУ это не менты. Надо же ему с кем-то встречаться, водку пить. Гэбэшников они не любят. А с ментами, говоришь, война?

– Война-то война, но Кобелев якшается с Тормозной часто. Буквально вчера, кстати, они со Старовойтовым – знаешь такого – по бомбоубежищу вместе лазили. Тому, что возле театра.

– Выше банка, что ли? – удивился Наздратенко. – На Суханова?

– Да-да.

– Странно. Что им там делать?

– Может просто поговорили. Ты ведь тоже в банк за этим едешь. Поговорить.

– Вот блять! Хреново. Старовойтов, это ещё тот волчара. Вокруг нас петли так и вьёт. Ладно! Своих ребят снаряди. Пусть походят за Абдулой. Братва пусть по низам шустрит, а вы конкретно.

– Абдула – парень серьёзный. Пощёлкает наших.

– Пусть не лезут близко. Думаю, малява и до него дойдёт. Кто-нибудь, да скажет, что Джем его пробивает. Да и у твоих отмазка железная. Не будет он сразу мочить.

– Понятно, шеф. Походят. Что, нужен тебе?

– Да, хрен его знает. Мы его Сансанычу отдали. С его согласия. Абдулы, в смысле, согласия... Так он выдержал пять дней.

– А потом? – с интересом спросил Клигер. – Поколотся?

– Хрен там. Сансаныч иссяк. Перебрал все точки. Сказал, что нет дальше смысла мучить.

– Сансаныч хороший спец. А что пытались узнать?

– Врёт или не врёт? Или казачок засланный. Оказалось, что не врёт. Верит во всё, что говорит. То, о чём ты сказал... О том, что валят и валят... И он сказал, только с именами и датами.

– Ух ты! – восхитился Клигер. – Нас там нет?

– Спрашивал. Сказал, что умрём своей смертью и не скоро.

– Хороший мальчик. Сразу на душе легче стало, – рассмеялся Клигер.

Глава 4.

– Ты, Пейлатыч, подумай, как его использовать? Может, действительно, пусть Джем Абдулу пложенцем сделает? Договариваться не придётся. Он, парень, вроде бы, лояльный ко мне.

– Да, как его используешь? Завалят его. Желающих братву подмять хватает и без Абдулы. Михо к москвичам отправил гонцов, Коваль встрепенулся, к Джемму ездил. Даже Кабан, говорят, собирается северные районы на себя замкнуть. На сходке в Лесозаводске озвучивал свои мысли, де: «Владивосток далеко... Москвичи говорят, что город ихнейший. Вот пусть под Москвой и ходит, А мы, де, ближе к Хабаровску... тыр пыр – восемь дыр...».

– Ну да... Тут ты прав. Да и сам Абдула, не дурак и вряд ли согласится.

– Это если ещё предложат, – хмыкнул Клигер. – Юры Трифона уже нет, стало полегче. Того никто бы под себя не подмял. Так и была бы Вторая Речка Московским анклавом. А сейчас там пусто. Уссурийские даже не дёргаются. У них, там пока Кугук Серёга рулит. Гордзиевский – это, так... болванчик. А Кугук своего не упустит – торгаш. С цветов поднимался. Трифон его за Гордзиевским присматривать поставил. Раньше охранял, теперь подмял. Так часто бывает.

Клигер рассмеялся.

– Коптев ещё там трётся, Карп нюхал тему, но отпрыгнул, когда ему сказали, что и мы интересуемся. Гордзиевский, после разговора с ним «Гребца» и «Петрухи», ходит гордый. Ничего не боится. Думает, что это мы Юру кончили. Прости Господи!

– А по правде? Не они Трифона вальнули? Сговорились с Кугуком, с Коптевым и...

– Вряд ли. Там не только Трифона. Там и Костю «Опасного» и других ближников Юры убрали. Не думаю, что это они его. Сработали слишком быстро. Я бы сказал, профессионально. Но... Ищи, кому выгодно... А выгодно было им. Ну и нам. Но, мы то знаем, что это не наша инициатива. Теперь все рынки и торговые центры Второй Речки под Гордзиевским. Отжаты были Юрой, а оформлены на Гордзиевского. Как-то так... Ну, ничего. Попилим.

– Ладно, хрен на них.

Хрен, конечно, хреном, а неожиданно освободившуюся территорию надо быстро прибирать к рукам. Иначе её приберут другие. Евгений Иванович знал это хорошо и время зря не терял. Он любил футбол, баскетбол, хоккей и знал, общее правило игровых видов спорта простое: «не забиваешь ты, забивают тебе».

* * *

Юрий Николаевич Старовойтов крутил и крутил щелчками свою пачку сигарет. Задумавшись о бренности мира и хитросплетениях его профессии, полковник не замечал, что уже сильно стемнело. В дверь стукнули.

– Да!

В щель из-за приоткрытой двери выглянула голова его водителя.

– Юрий Николаевич, хотел спросить.

– Спрашивай.

– Скоро поедете? Десять часов уже.

Старовойтов глянул на наручные часы и, положив в барсетку сигаретную пачку, встал из-за стола. В этот же момент зазвонил телефон служебной линии.

– Да! – бросил он в трубку.

– У нас чэпэ, Юрий Николаевич. Похитили жену Мамаева.

– О, бля! – вырвалось у Старовойтова. – Откуда информация?

– На «02» позвонила соседка. Услышала детские крики. Зашла. Дети одни, матери нет, в квартире беспорядок, на плите кастрюля с уже горящим супом. Хорошо, что окно на кухне было открыто и сквозняком дым вытягивало.

– Понятно. Опергруппу собрал?

– Так точно!

– Выхожу.

Костру тоскливо посмотрел на наручные часы.

– Пошли, Андрюха! Покой нам только снится! – почему-то весело сказал Старовойтов.

– Ага, снится! – скривился водитель. – Вам-то хорошо, жены нет. А меня ждёт!

– Быстро скатаемся. Туда отвезёшь, и отпущу. Оттуда на дежурке доберусь, если получится освободиться.

– На Острякова?

– На Острякова.

В дежурке толклись бойцы СОБРа, получали оружие в оружейной комнате. Старовойтов скривился. Не правильно это. Кто-нибудь когда-нибудь кого-нибудь в этой толчее застрелет. Много раз он говорил об этом начальнику управления Чеченеву, но тот лишь отмахивался.

– Ещё позвонили, товарищ полковник.

– Что ещё?

– Двойное убийство в клубе «Леон». Убили Александра Макаренко. Личность второго убитого не установлена. Похоже, что – телохранитель. Двое неизвестных прошли в клуб к его кабинету и, зайдя, выстрелили из пистолетов с глушителями Макаренко в спину, он в этот момент разговаривал по телефону, а второму в живот.

– Макаренко? Чудесно! Пусть пока город им занимается. Нам не до этого. Мы поехали. Пусть догоняют, – кивнул он на спецназ.

От здания управления, располагавшегося в двухэтажном здании по адресу: улица Тромозная дом сорок, до дома жены Мамаева жигулёнок Старовойтова донёсся меньше, чем за десять минут. На адресе было всё так, как сообщил дежурный. Кроме, пожалуй, того, что во дворе дома на Острякова стояло не менее пяти машин с мигалками.

– «Прокурорские, краевики, город», – отметил полковник, выходя из подъезда. – Вот ещё и я, зачем-то приехал! Отметиться? Засветиться перед руководством?»

– Привет, – поздоровался с ним Краев – заместитель начальника городского УБЭП.

– Привет! А ты здесь чего? Дежуришь?

– Дежурю, – вздохнул Сергей. – Все здесь, а как без ответственного по городу.

– Смотрю и Сляднев приехал?

– Я ж говорю... Все тут. Вон, конторские трутся. Похищение человека, это не хухры мухры.

– Макара Стреляного завалили.

– Когда?

– Только что.

– Хорошо, – облегчённо вздохнул Краев. – Значит, скоро туда все рванут.

Они постояли, покурили. Включаться в следственные действия пока не разъедутся «праздно-шатающиеся» смысла не было. Вдруг, посмотрев в сторону выезда со двора, Юрий Николаевич увидел начальника Приморского ГРУ, а рядом с ним... Субботина. Кобелев что-то упорно доказывал Субботину, а тот, судя по телодвижениям, пытался подойти ближе. Старовойтов подошёл к ним.

– Привет, – поздоровался он, не подавая руки.

– Привет, – сказал Кобелев.

Субботин молча кивнул.

– Чего припёрлся? – спокойно и по-доброму спросил Старовойтов.

- Передали, что Мамаеву похитили, – сказал Кобелев. – Что-то известно?
- Сам ещё толком не знаю. Начальство...
- Девочки как? – вдруг спросил Субботин.
- Пока у соседки. Спят уже.
- У какой? У Марии? У Куприяновой?
- Старовойтов глянул на Субботина искоса.
- У Куприяновой Марии Анатольевны. Знаешь её?
- Знаю.
- Откуда? Ты же здесь не появляешься.
- Когда-то появлялся. Она давно тут живёт.
- Давно, – подтвердил полковник милиции. – И помнишь по имени? Хорошая память.
- Я вообще ничего не забываю. Особенно плохое, – буркнул Субботин. – Кровь есть в квартире?
- Крови в квартире нет, – с интересом глядя на Субботина, сказал Старовойтов, а потом обратился к Кобелеву: – Слава, ты зачем сюда его притащил? Да и зачем вы сюда вообще пришли?
- Ну, как же? Это же наш!
- Какой, нахрен, он ваш, Слава. Ты его по позывному только и знал в Афгане. Здесь встречались пару раз в год... Он не ваш, а наш, Слава. Не пойму вашего интереса.
- Старовойтов прищурился. Свет фар одной из машин мазнул по его лицу. Уехал начальник городского УВД Сляднев. Следом за ним уехало ещё несколько машин.
- Куда это они? – удивился Кобелев. – Так быстро?
- Макара-Стреляного завалили в «Леоне».
- Да ну, нах! – снова удивился Кобелев и посмотрел на Субботина.
- А, я что говорил, – буркнул тот.
- А, что ты говорил? – спросил Старовойтов, доставая очередную сигарету и прикуривая.
- Не тебе говорил, – снова буркнул Субботин.
- Мне скажи, – выдохнул дым «зампопер».
- Обойдётся! – резко ответил Субботин.
- Хамит, – сказал Старовойтов, снова обращаясь у Кобелеву. – Закрою я его, всё-таки, на тридцать суток.
- За что? – удивился Кобелев. – По какому делу?
- Да, хоть по этому, – Старовойтов махнул рукой на подъезд, где находилась квартира похищенной жены Мамаева. – Или по убийству Макаренко.
- Тебе делать не хрен? – спросил Кобелев.
- Ну, так он ведь сам сказал, что что-то по убийству знает, а говорить не хочет. Вот на месяц закроем в ИВС, там и поспрашиваем.
- Старовойтов снова искоса, через левое плечо, посмотрел на Субботина и добавил.
- Тебя никто за язык не тянул. А сказал «А» скажешь, не только «Б», но и другие буквы алфавита. До «Я» включительно. Верить?
- Кобелев что-то захотел сказать, но Старовойтов поднял руку ладонью в сторону начальника ГРУ, останавливая ненужный поток слов.
- Это не касается наших договорённостей по другим его делам. А это дело, судя по всему, не его рук. У него ведь есть алиби на сегодняшний вечер? В бане были?
- Кобелев молча кивнул.
- Ну, вот. Вы имеете время в баню пойти, а я тут парюсь с убийствами, и мне помочь вы не хотите. Значит, мы по разные стороны баррикады. О! А вот и наш СОБР подъехал. Убежать даже не думай, – резко бросил Старовойтов.
- Вот ещё! – фыркнул Субботин. – Что бы я от тебя бегал?!

– Ну и хорошо! Саша, Миша, этого в наручники и в мою машину. Остальным сидеть и не высовываться.

– Юра, ты чего? – возмутился Кобелев. – Зачем наручники-то?

– А, что? – деланно удивился Старовойтов. – Я выполняю свою работу. И без обид, Станислав Иванович. Я же не тебя в наручники упаковал. Репутация у гражданина... э-э-э... своеобразная репутация. Без наручников нельзя. Вдруг он... это... Ну, ты понимаешь.

– Надо будет, наручники не удержат, – тихо и угрожающе проговорил Мамаев.

Его начинало злить вдруг возникшее на его пути препятствие в виде его бывшего начальника. У них со Старовойтовым не особо складывались отношения. А сейчас к Мамаевским чувствам присоединились Суботинские. Субботин Старовойтова сильно недолюбливал, за его «профилактические» беседы, больше похожие на попытки жёсткой вербовки, проводимые во время планово-профилактических задержаний.

– О! Вот видишь! – Старовойтов достал из барсетки ещё одни наручники. – Наденьте на него вторые. Вдруг порвёт одни. Вон, какие у него ручищи.

Вторые наручники застегнули и Субботина усадили в жигулёнок.

– Возьмите меня, – попросил Кобелев.

– На заднее сиденье? С ним вместе? Шутишь, Вячеслав Иванович? Не положено. Миша, с ним садись, – приказал он собровцу.

– Руднев! Саша! Ты разберись тут. Доложишь. Я в управление.

– Абдулу взяли? – спросил начальник отдела по бандитизму. – Есть за что?

– Есть повод поговорить.

– Закроете? – тихо, но с надеждой в голосе спросил Руднев

– Там видно будет.

Старовойтов взглядом подозвал Кобелева.

– Через минут тридцать подъедешь на Тормозную. Заберёшь...

– Он нормальный парень, Юра. Я тебе всё объясню.

– Объяснишь-объяснишь. Через полчаса. Поехали, Андрей.

Жигуль рванулся с места.

* * *

Подъехав к управлению, Старовойтов в здание заходить не стал, а открыл своим ключом припаркованный на площадке Тойоту Краун.

– Посадите его туда. На первое сиденье.

Когда приказание было выполнено и Субботина водрузили на пассажирское место, Старовойтов сел сзади.

– Рассказывай, – сказал он.

– Почему ты думаешь, что я стану что-то рассказывать? – зло бросил Мамаев, оборачиваясь назад через правое плечо.

Старовойтов хмыкнул.

– Ну, хотя бы потому, что если ты сядешь на тридцать суток, ты не сможешь участвовать в розыске Мамаевой. А тебе, не знаю почему, хочется её найти. И правильно, кстати, хочется. Известно, что заложники долго не живут. Не знаешь, почему её похитили?

– Не знаю, – буркнул Мамаев. – Я деньги хотел ей принести. Завтра утром. Сначала договаривались на вечер, потом переиграли на утро. Слава позвонил и позвал в баню, вот я и заскочил сегодня днём на рынок. Предупредил её.

– А что на рынке деньги не отдал?

Мамаев обернулся и посмотрел на Старовойтова как на придурка.

– Чтобы отобрали? Алексеевские дань по вечерам собирают. Могли и наоборот. Или менты... Там участковые, два брата, к ней давно подбираются. Ещё когда... э-э-э... Ещё когда

Юра был жив он с ними решал. Но бурые они слишком. Пришлось ему отмудошить обоих. После этого зуб они на неё имели.

– Странно! Ты слишком хорошо осведомлён о жизни своего... э-э-э... бывшего друга. Вы же с ним не контактировали, вроде?

– Не контактировали, – согласился Мамаев. – Но я знаю, как он жил. Это не я с ним разосрался, а он со мной.

– Интересно почему?

– Это уже другая история.

– Хорошо. Давай вернёмся к нашей. Кто убил Макаренко? Что ты знаешь по этой теме?

И откуда?

Мамаев некоторое время поразмыслил и решил, что ничего страшного не случится, если он расскажет то, что знал.

– Ты мне всё равно, не поверишь, Юрий Николаевич. Как говорится, источник информации не надёжный.

– А, ты попробуй.

Мамаев помолчал.

– Начну с конца. Макара убил Алексей Юшков. Мотив – месть за нанесённые Макаром оскорбления и побои Юшкову 25 августа, когда тот отдыхал с друзьями в «Леоне». Его сильно избили и «выбросили» из клуба.

– Откуда известно? – спросил Старовойтов.

– Просто знаю, – пожал плечами Мамаев. – Я об этом предполагаемом убийстве сообщал Кобелеву ещё в июле. И дату говорил. Почему и ляпнул сегодня. Он не особо мне верил. Можешь у него спросить.

– Спрошу. То есть, ты знал о том, что некто Юшков убьёт Макара ещё до того, как они пооссорились? – усмехнулся Старовойтов. – Не логично.

– Не логично, – согласился Мамаев, вздохнув. – Но другой информации у меня нет. Я просто вижу... Вернее... Знаю, что случится в будущем.

– Да? – спросил, усмехнувшись, полковник. – Много знаешь про убийства? Да ты – ценнейший для нас кадр. Может наши тёмные дела поможешь нам раскрыть? Например, скажешь, кто убил Юрия Мамаева?

Мамаев помолчал.

– Про Мамаева не скажу. Знаю, что в октябре убьют Захаренко. И дату знаю, и место, и кто. Могу рассказать. Ты, Юрий Николаевич, только сначала поговори с Кобелевым. Потому, что если я сейчас начну говорить, ты не поверишь. И мне потом придётся всё пересказывать заново.

К управлению подъехал гэрэушный УАЗ. Старовойтов вылез из машины.

– Миша, отвечаешь за него головой. Но чтобы волос не упал. Ясно?

– Так точно!

Старовойтов сел в «Лэнд Круизер» Кобелева.

– Откуда такая машина у начальника ГРУ? – спросил Старовойтов. – Купил?

– Я тебя умоляю, Юра! Откуда у бедного полковника ГРУ могут быть деньги на такую машину? Конечно же подарили.

Старовойтов рассмеялся, но сразу посерьёзnel.

– Рассказывай, – сказал он.

И Кобелев рассказал. Рассказал всё. Их с Мамаевым и Капитаном было слишком мало, а дел было очень много. И Кобелев решил привлечь к этим делам Старовойтова.

– Теперь ты понимаешь, Юра, почему он, как узнал о похищении жены, сразу рванул сюда. Я уговаривал его остеречься, но куда там?

– Чего остеречься? – хмуро спросил Старовойтов.

– Вас остеречься. Тебя. Я ему сразу предложил начать расследование, а он решил узнать, как дети?

– Мамаева, что, знает, что он не Субботин, а Мамаев?

– Нет. Не знает. Но она и не знает, что Мамаев с Субботиным разосрались.

– Ерунда какая-то! – сказал Старовойтов, растирая лоб пальцами. Голова гудела. – И как же вы собирались расследовать? Кто похитил Мамаеву?

– Он почему-то думает, что на её квартире ждали его. Или те участковые, или «алексеевцы».

– А может «Миховцы»?

– А Михобтут причём? – удивился Кобелев.

– Михо метит на «должность» ответственного за край, – тихо сказал Старовойтов.

– И что?

– Не в курсе?

– Чего? Ну, что ты тянешь, Юра, котла за яйца?! – простонал Кобелев.

– Твоего Субботина хотят сделать положенцем. Как Баула. Джем сейчас пробивает его на вшивость. Михо могло это не понравиться.

– Ничего себе! – крутнул головой Кобелев. – За это кто хочешь мог убить. И Коваль, и тот же Макар. Ну да. Макара самого убили.

– Тут ещё дело в том, что Михо вышел из доверия у местной братвы. Говорят, что крутит общаковские деньги в своём бизнесе. Поэтому, фигура Баула была удобной для всех.

– Да-а-а... Вот это замес!

Глава 5.

– Твой Субботин об этом не знает? – спросил Старовойтов.

– Видимо, нет, – пожал плечами Кобелев. – Отпусти ты его, Юра. Потом поговорим про все убийства, что он знает. Сейчас надо действовать. Убьют Галину.

– Если кто-то его хотел убрать, то Субботина постараются на стрелку вызвать, чтобы завершить задуманное. Зачем им баба? Но чтобы он приехал, она должна будет подать свой голос по телефону. Значит, до этого момента, до звонка, будет жива.

– Логично, – согласился Кобелев. – Но он сидеть и ждать не будет. Радиотелефон у него всегда с собой.

– Ну, вот отпущу я его сейчас и куда вы пойдёте?

– Я – точно поеду домой спать. А он... Хрен его знает, куда. Наверное, поедет Михо искать.

– И ты оставишь «своего» человека в таком состоянии? – удивился Старовойтов.

Кобелев устало посмотрел на Старовойтова.

– Сейчас работаете вы, и мне не хотелось бы пересекаться с твоими операми и СОБРОм. А завтра я уже могу чем-то помочь.

– Правильно рассуждаешь. Постарайся объяснить это Субботину. И это... Не знаю, что там у него в голове... Но я пока ещё для себя не решил, как к нему относиться. Может у него крыша поехала, а может и вправду видеть будущее стал.

– Не видеть, Юра... Знать.

– Да, всё равно. Но в переселение душ я не верю. Ладно, сейчас не время философствовать.

Они вылезли из джипа и подошли к импровизированному «автозаку». Субботина выдворили из машины и сняли наручники. Лица офицеров были спокойны и серьёзны. Служба в специфических подразделениях приучила их минимизировать эмоции и контролировать мимические мышцы. А ситуация концентрировала мысли на событии.

– Не в моих правилах советовать, – тихо произнес Старовойтов, – но по городу работают оперативные группы. Попадёшься, будешь сидеть минимум трое суток. Твои контакты с Мамаевой могут быть интерпретированы как... По разному, короче... Особенно сегодняшний дневной. Но так и так, обыски тебе обеспечены. Так что на твоём месте, я бы занялся пока собой. И из города вообще исчез.

– У меня дома нет ничего запрещённого.

– Ты уверен?

– Да.

– Ну, нет, так будет. Несколько патронов от пээма подложить очень легко. Или даже обойму. Делов-то... Не любят тебя ни опера, ни собры. По низам информации о твоих делах много. Как и желающих попрессовать тебя.

– Прессовали уже, – мрачно буркнул Мамаев.

– Так... То так, без повода. А сейчас повод, вон какой. Кстати, не твоих рук банда Трифона?

Субботин не вздрогнул, но по взгляду и по дёрнувшемуся левому веку, Старовойтов сразу всё понял. Мамаев тоже понял, что прокололся и взгляд отвёл.

– Вот так-то, Сергей Григорьевич... А ты говоришь, «повода нет». Всё! Уезжайте, пока не передумал, – сказал Старовойтов, обращаясь к Кобелеву.

– Я завтра приеду, – сказал тот.

– Я тебе сам позвоню, Вячеслав Иванович. Всё! Бывайте! Кто не спрятался, я не виноват.

Старовойтов решительно зашагал в сторону управления, а Мамаев с Кобелевым сели в джип и уехали.

* * *

Мамаеву позвонили буквально через час, как он отъехал от Тормозной-40. Он в это время находился на второй известной ему явочной квартире ГРУ. Кобелева с ним не было.

– Абдула? – спросила его рация.

– Ну! – ответил Юрий.

– Гну! – ответила рация, и раздался дерзкий смех. – Бабу свою хочешь получить?

Юрий нажал кнопку передачи, и речь говорящего прервалась. Это у звонившего был простой телефон, а рация «Кенвуд» не могла одновременно и принимать и передавать.

– «Симплекс7, мать его ети», – подумал Мамаев.

– Она не моя баба, – сказал он спокойно, – но получить её хочу.

Из рации послышался всё тот же странный смех. Даже не смех, а придурочное хихиканье.

– «Укуренные?» – подумал Мамаев.

– Чё там у тебя щёлкает? Пишешь разговор что-ли? – насторожился голос.

– Я по рации разговариваю. Не в кабинете я.

– А, ну да... Короче! Готовь сто штук баксами, и забираешь.

– Когда и где?

– О, как! – удивился голос. – А, когда сможешь?

– Да, хоть сейчас!

– О, как! – ещё больше удивился бандит и снова рассмеялся. – Не-е-е, брат. Сегодня она наша. Скучно нам тут мы же не пидоры, какие.

Мамаеву показалось, что буква «р» в словах «брат» и «пидоры» прозвучали со звуком «ы» и несколько гортанно и «в нос», что могло соответствовать произношению жителей Чеченской республики.

– Бехк ма биллалахь, хатта мегар дуй? (Извини, пожалуйста, можно спросить?)

Рация некоторое время молчала.

– Не погань своим языком нашу речь. Говори по-своему. Спрашивай, – прорычал собеседник, не скрывая характерного чеченского акцента.

– «Ну, вот и славно! – подумал Мамаев. – Теперь я знаю, кого кончать, в случае чего».

– Хотел спросить... Вам нужны деньги, или я?

В Кенвуде весело захрюкало.

– Какой ты догадливый! Конечно, нам нужен ты! А баба, так... Повод для разговора.

– И для продажи, – крикнул кто-то второй, такой же весёлый.

– Не испорти товар, – проговорил Мамаев. – Я на ней хочу жениться. Деньги получишь частями. По пятьдесят тысяч.

– Не-е-е... Так не пойдёт. Или сразу, или никак. «Потом» у тебя не будет, Абдула.

– Ну, не будет, так и не будет. Честно говоря, эта баба не моя ещё. О свадьбе с ней мы не сговаривались. Это я хочу её и домогаюсь. А меня она всё это время гнала. Так, что не факт, что я за свои сто тысяч куплю ваш товар. Не факт. Деньги отдам, а она пошлёт меня...

В рации помолчали, потом снова засмеялись.

– Ладно! Пятьдесят, так пятьдесят. Думаю, если жить захочешь и больше отдашь, правда?

– А, что, есть надежда остаться в живых? – спросил Мамаев нервно усмехаясь.

– Надежда всегда есть и умирает последней, – сквозь смех произнёс чеченец.

Мамаев на всякий случай затягивал разговор, в тайне надеясь, что его служебный телефон уже поставили на контроль. Надежда была слабой. Никогда наши оперативные службы не реагировали достаточно «оперативно».

Чеченцы на это и рассчитывали, зная, что первый разговор с жертвой самый важный и самый безопасный. Это как выстрел из засады. Никто не знает, кроме стреляющего, когда и где он произойдёт.

Однако в данном случае похитители просчитались. Старовойтов, придя в свой кабинет, тут же связался с ответственным офицером ФСБ по городу и решил вопрос по прослушке телефона Субботина. В течении часа техники ФСБ разъехались по телефонным подстанциям города, не имевшим определителя номера, и в момент разговора успели отследить местонахождение телефонного аппарата.

Однако ни Субботин, ни чеченцы этого не знали.

Юрий, закончив разговор, едва не разбил свой «Кенвуд», метнув его в стену. Однако в последний момент рука дрогнула и рация зарылась в постельном белье, уложенном на матрасе лежащем прямо на полу. В этой однокомнатной квартире стояли только несколько стульев, кухонный стол и холодильник. Но вдоль стены стояло несколько гирь и комплектов гантелей. К стене была прикреплена макивара⁸, сделанная из лыжи, обмотанной верёвкой, и бруска, и турник.

Подскочив к макиваре, Юрий направил в неё серию ударов руками. Он выбрасывал удары рыча и воя. Стена, к которой был прикреплён спортивный тренажёр, гудела. Через пять минут в батарею постучали чем-то железным. На часах было двадцать три сорок.

Юрий схватился за голову, сел на корточки, прижавшись спиной к стене, и заплакал. Он ясно представил, как «развлекаются» с Галиной обкуренные нохчи⁹ и плакал от собственного бессилия.

От его мыслей Юрия оторвал вызов рации.

– Первый, дежурному!

– Первый на связи.

– Командир, тут прибыли из УВД. У них ордер на обыск. Что делать?

– Пусть производят, но под полным нашим контролем. Они ещё те фокусники. Если полезут сами шариться, всё опиши в протоколе.

– Они уже полезли.

– Адвоката допустили к присутствию при обыске?

– Нет.

– Ну и хрен им, а не барабан, – усмехнулся Мамаев. – Овцы тупорылые. Что ищут-то?

– Да хрен их разберёт.

– Ладно, отбой! А то меня запеленгуют.

Мысли Юрия несколько перестроились, и он немного успокоился, убрав неприятные видения в глубину сознания. Он представил, как опера, получившие поручение следователя, ходят по его помещениям и удивился тому, что он уже совсем не отделяет себя от Субботина.

Ещё через двадцать минут группа быстрого реагирования, дежурившая возле его дома, сообщила, что в его квартире тоже проводится обыск. Двух охранников, поднявшихся к дверям квартиры, когда в ней загорелся свет, задержали сотрудники милиции, как они сказали: «для выяснения обстоятельств и установления личности».

– «Ну, ничего, – подумал Мамаев. – Бойцы знали на что шли и к задержанию были морально готовы».

Всё шло по плану и Мамаев мысленно поблагодарил Старовойтова и Кобелева. Без них торчать бы ему сейчас в кутузке. И что бы сделали бандиты с его женой, когда не смогли бы до него дозвониться, было страшно представить. Снова заныло сердце. И Мамаев снова забросил мысли о жене далеко в подсознание. На этот раз «заброс мыслей» получился значительно легче. Юрий просто представил ящик с надписью: «разум Субботина».

Юрий подошёл к окну и с высоты девятого этажа посмотрел на тёмный город. В соседнем районе отключили электричество.

– «И как тут ловить преступников, если вырубает свет?» – подумал Мамаев и посмотрел на сумку с деньгами, которые он забрал из своего домашнего тайника.

Ловко они успели, поехав с Тормозной сразу к нему на адрес. На сердце полегчало. Без денег выручить Галину было бы тяжелее.

– «Надо постараться заснуть, – подумал Субботин. – Завтра силы понадобятся».

Он выключил свет, упал спиной на матрас и уставился в потолок. По уже утвердившейся привычке, осмотрел своё тело внутренним зрением и отпустил волю. Он никогда не вмешивался в настройки сделанные Субботиным. Даже когда регенерировал ткани, он просто концентрировался на регенерации, но не на перенастройке организма. Он так и не понимал, что куда и зачем течёт.

Вспомнив «свои» книжные полки с книгами по восточной медицине, плакаты с энергетическими меридианами и чакрами, Субботин вздохнул, понимая, что кое-чего он в эту ночь лишится. Опера обязательно позаимствуют что-нибудь из его библиотеки «почитать».

Мысленно Мамаев «махнул рукой», понимая, что ничего из того что находится у «него» дома, он читать не будет. Не интересует его восточная медицина. Субботина интересовало, а его, Мамаева, нет. А с другой стороны, Субботин это всё уже давно изучил и, перейдя на так называемый, тонкий уровень восприятия, к этой литературе обращался редко. А про работу с внутренней энергией напрямую книг пока не встречал.

Странно, что Мамаев не ощущал знаний Субботина. Наверное, потому, думал он, что эти знания ему не были интересны. Ему хватало простейших манипуляций, как сегодня в бане, когда он «лечил» Кобелева. Незаметно для себя Мамаев заснул.

* * *

– Вы были правы, Юрий Николаевич. В кабинете директора охранного агентства в ходе обыска нами изъята магнитофонная кассета с разговором похитителей и Субботина. Субботин к похищению Мамаевой не причастен. Более того... Из разговора следует, что цель террористов – именно Субботин. Но от него зависит, будет жить Мамаева, или нет. От Субботина потребовали сто тысяч долларов.

– Ну, вот! А ты, Саша, позволил себе сомневаться в умственных способностях руководства.

– Прошу меня простить, Юрий Николаевич. Мне казалось, что если закрыть Субботина, можно поколоть его по старым делам.

– Закрыть мы его всегда успеем. Вот, Галину вызволим, там посмотрим. У тебя же нет ста тысяч долларов на выкуп?

– Судя по разговору, выкуп их не особенно интересует.

– На квартире Субботина есть что-то интересное?

– Ничего противозаконного. Нашли большой тайник в стене. Но там, кроме пачки денег, ничего не было.

– Большая пачка?

– Сто тысяч рублей. Изъяли. Вернём. Квартиру опечатали, но мало ли что... Кого сейчас нашими печатями испугаешь?

– Его охранников, что взяли у адреса, отпустите, пусть сами охраняют или замки новые вставляют.

– Там и дверь менять надо, – потупив глаза, сообщил Руднев.

– Я же говорил, чтобы техники вскрыли! – повысил голос Старовойтов.

– Собровцы сами решили, что так проще.

– Что значит, «так проще?» – разозлился Старовойтов. – А за дверь кто платить будет?

– Они никого не слушают. Я Марченко сколько раз жаловался, что СОБРы беспредельничают, а толку-то?

Старовойтов скривился. Бойцы СОБРа были постоянной головной болью руководства управления по организованной преступности. Постоянно приходилось отписываться за их «рукоделия и ноголожества», как обзывал их деяния на совещаниях начальник полковник Чеченев.

– А что дальше, Юрий Николаевич? – сменил тему разговора Руднев. – Телефон определили? Место?

– Определили. И телефон, и место. Распечатку разговора сделали?

– Печатают. Может, пока кофе попьём?

– Закончился.

– Так, я организую.

– Я растворимый не пью.

– Мы в курсе. Есть заварной. Как раз для вашей кофемашины.

– Давай! У меня кусок сервилата завалялся в холодильнике.

Руднев вышел из кабинета и вскоре вернулся с банкой кофе. Зашёл, неся перед собой несколько листов с напечатанным текстом, Никита Алексеевич Киселёв, начальник технической службы.

– Тэпэ! Распечатка, Юрий Николаевич, – сказал он.

– Кофе будешь?

– Заварной? Буду. О! Тут колбаска! Сейчас хлебца принесу.

Он вышел. Старовойтов принялся читать распечатку разговора Субботина с чеченцем. Руднев сел на стул перед кофеваркой и стал наблюдать, как тонкой струйкой стекает в стеклянную колбу с чёрной пластмассовой ручкой, чёрно-коричневая жидкость. По кабинету растёкся аромат кофе.

Вместе с Ковалёвым в кабинет зашёл Запорожский.

– Тут кофе наливают? – спросил он весело, и дунул в керамическую кружку огромных размеров.

– Тут посылают в дальние страны, – сказал Старовойтов. – Особенно с такими кружками.

– Это мой кофе, между прочим, – обиделся Запорожский.

– Ничего не знаю, – улыбнулся Старовойтов. – В очередь, сукины дети! В очередь! А ты, с большой кружкой, в последнюю.

Налили кофе. Старовойтов очень мелко нарезал копчёную колбасу и разделил на кучки по числу гостей.

– Зачем так мельчить, Юрий Николаевич? – спросил Запорожский.

– Так, Саша, на дольше хватает. Проверено экспериментально. Одной сосиски может хватить на три бутылки водки.

– Это если водку пить, – глубокомысленно проговорил Ковалёв, рассыпая кусочки колбасы по хлебу. – С чаем или кофе так не получится.

* * *

– Что у нас есть по установленному адресу? – спросил Старовойтов офицера службы безопасности прикрепленного к мероприятиям по освобождению заложника.

– Это однокомнатная квартира в доме малосемейного типа. Судя по звукам, из неё исходящим, в квартире находятся минимум четыре человека и одна из них женщина. Это ясно по характерным тональностям издаваемых её звуков. Скорее всего, по каким-то причинам, она не может говорить или кричать. Да и остальные трое обращаются с ней как с женщиной.

– Возможен ли штурм квартиры? – спросил Старовойтов.

– Штурм, скорее всего, приведёт к гибели объекта.

– Почему?

– По разговорам можно понять, что на женщине надет пояс шахида с дистанционным взрывателем. Они её э-э-э... насилуют не снимая взрывчатку и шутят, что если она взорвётся, то они точно попадут сразу в Джаннат. Это исламский рай.

– Я знаю. Можно ли использовать усыпляющий газ? Через тот же вентиляционный воздуховод?

– Мы пробовали подвести к вентиляционным отверстиям трубки, но отверстия закрыты сетками и трубки на проходят во внутрь. А пускать газ во все квартиры стояка не целесообразно. Да и газа столько нет.

– Но там же не один воздуховод! Есть ванна, туалет!

Старовойтов нервничал.

– Юрий Николаевич, мы пробуем все варианты, – спокойным голосом сказал куратор. – Хуже всего то, что пульт от взрывателя находится не в квартире, а где-то за пределами. Из этого мы исходим, что за квартирой наблюдают со стороны. А потому никаких активных действий предпринять мы не можем.

* * *

Зуммер «кенвуда» разбудил Мамаева в семь часов утра.

– Хватит спать, Сергей Григорьевич, – сказала рация голосом Старовойтова. – Нас ждут великие дела.

– Кто это? – не узнал голос бывшего начальника Юрий.

– Это полковник Старовойтов. Надо срочно обсудить и согласовать наши совместные действия.

– К-к-к... Какие совместные действия? – прохрипел с недосыпу Мамаев.

– Мы знаем о вчерашнем звонке и о выкупе. Ты готов сотрудничать? Или нам самим идти на штурм квартиры? Мы знаем адрес, где находится Мамаева.

Глава 6.

– Какой штурм?! Вы охренели, что ли?! – «взвился» Мамаев. Сонливость как выдуло из головы.

– Ну, вот, проснулся. Слушай внимательно. Знаю, что наш сигнал идет через скремблер¹¹, поэтому говорю открыто. Слушаешь?

Мамаев нажал на кнопку рации, сказал: «Слушаю», и отпустил. Неудобная система симплекс...

– Ничего другого не остаётся, как тебе идти на встречу с похитителями, – сказал Старовойтов и добавил через небольшую паузу. – Если позовут... Главное условие – пусть с неё снимут «пояс шахида».

– Что? Какой пояс «шахида»?! – спросил Мамаев, вскрикнув, но, не успев нажать на клавишу рации. Оттого его вопрос не был услышан собеседником и Старовойтов продолжил.

– На ней прикреплена взрывчатка. Слышишь меня?

– Слышу, – мрачным тоном произнёс Мамаев.

– Готов себя отдать вместо Галины?

Юрий помолчал.

– Приём! У нас мало времени.

– Готов. А ты готов защитить её, когда меня не станет? – спросил Мамаев.

Помолчал Старовойтов.

– Обещать ничего не могу, – наконец сказал он. – Сейчас главное её спасти, чтобы дети мать не потеряли.

Он сделал паузу и добавил:

– Как недавно потеряли отца...

Мамаев так сжал зубы, что раздался хруст.

– Адрес какой? – наконец спросил он.

– Дом рядом с кинотеатром «Союз» на Тихой¹². Номер тебе знать не надо. Думаю, где-то там будет и встреча.

– Это, где рынок?

– Сейчас везде рынок, – вздохнул Старовойтов.

– Ждём звонка?

– Ждём.

– На чём поедешь?

– Мне тут «каринку» старую подогнали. На стоянке у дома стоит. На ней поеду.

– Не думаю, что они вычислили адрес, в котором ты сейчас находишься. Можно подбраться поближе к предполагаемому месту встречи.

– Зачем?

– Чтобы не пилить через весь город, – сказал, усмехнувшись, Старовойтов.

– Выпасли мой адрес?

– А ты думал...

На самом деле Старовойтов не знал адрес, где укрылся Субботин, но по укоренившейся в нём оперской привычке «прокусывать» собеседника, скрывающего о себе информацию, загнал Мамаева в ловушку.

С Эгершельда, действительно, выбраться было проблематично, и Мамаев согласился.

– Логично. Подъеду куда-нибудь поближе.

У Субботина были неплохие отношения с Сергеем Трифоновым, контролировавшим район улицы Спортивной с рынком на стадионе ТОФ и прилегающим к нему рынком на улице Клубной, вот он и решил заехать к нему «в гости».

Сергей Трифонов не был братом или родственником недавно убиенного Субботиним Юрия Трифонова. Он был бывшим спортсменом и относился с уважением к Бауловским «партнёрам по бизнесу».

– Отбой связи? – спросил Старовойтов.

– Отбой, – согласился Мамаев.

Он наскоро принял душ и переделся в чистое: свободные джинсы-бананы, джинсовую рубашку и кожаную куртку-косуху. Под рубашкой на майку он надел «бронезилет». Мысленно он постоянно представлял, как Галина подходит к нему и они вместе взрываются. Если это произойдёт, то от них, скорее всего, мало что останется. От понимания этого Юрия колотил озноб, и он никак не мог успокоиться.

Он набрал номер телефона пейджингового оператора.

– Оператор Марина. Слушаю вас.

– Марина, для абонента семь четыре пять шесть один... Сообщение. Надо встретиться

– Принято, – сообщила оператор и отключилась.

Через пять минут звякнул пейджер и Юрий прочитал: «Приезжай на Спортивную к десяти». На часах было «восемь тридцать».

* * *

Кобелев позвонил Старовойтову.

– Как ситуация?

– Развивается. Ждём.

– Помощь нужна?

– Пока нет. Подстрахуйте его, когда он поедет. Или хочешь, мы возьмём его машину под контроль. Только скажи, откуда?

– Ты думаешь, что твои дуболомы справятся с наружным наблюдением? Или тебе дали «семёрочников» 13УВД?

– Не дали. Конторские готовы взять объект под наблюдение. Только они не знают, где твой Субботин.

– Хрен им. У меня есть пара своих человек «оттуда», знающих, как водить. Всё равно им делать нечего.

– А ты думаешь, что их самих не поведут? – сказал, хмыкнув, Старовойтов. – Ох, эти ваши прятки с догонялками. Когда уже наиграетесь? Ладно! Всё! Поступай, как знаешь, только смотри...

– Смотрю-смотрю. Всё, отбой!

* * *

В десять часов звякнул «Кенвуд». Мамаев нажал кнопку приёма.

– Говорите, слушаю, – сказал он осторожно.

– Абдула? – спросил голос.

– Да.

– Готов встретиться?

– Готов.

– Деньги за товар приготовил?

– Ещё вчера были готовы.

– Ну, тогда едь к нам.

– Куда, «к вам»?

– Не знаешь? А это не твои люди по нашему дому всю ночь туда-сюда лазили? Нам отдыхать мешали.

У Мамаева душа ушла в пятки.

– «Неужели нохчи заметили движение вокруг дома?» – подумал он.

– Слышь, ты, чучело черномазое?! Я сейчас положу болт и на тебя, и на ваш товар, который мне, если честно, на хер не сдался, чтобы за него свою голову подставлять. Понимаешь, ты, овца чеченская?! Я сейчас лягу на дно, и буду убивать вас по одному и группами. Всех подряд. Не разбирая, взрослый или ребёнок. Я же вас всех по именам знаю, ваших баб и ваших детей. И здесь, и в Краскино, и даже в вашей ебаной Ичкерии. Услышал меня? А теперь иди нахуй. Не хочу с тобой, клоуном, разговаривать.

Мамаев говорил не очень спокойно, но ровно и уверенно. Он отключил связь и перевёл дыхание. Теперь надо было ждать. Они обязательно должны были позвонить. Им, почему-то, был нужен он, а не Галина. Всё плохое, что могло случиться с женщиной, уже случилось. Да и пояс шахида не для того крепят, чтобы его снимать. По сути, его бывшая жена была мертва.

Юрий знал, что с чеченцами договариваться бесполезно. Это он знал и по военному опыту, и по опыту Субботина старшего, память которого вдруг всплыла вплоть до двадцать третьего года. Ни одна из Владивостокских преступных группировок не смогла договориться с ними. Чеченцы предпочитали сразу убивать.

Например, в Находке до сих пор продолжались убийства то чеченцев, то местных «авторитетов». Война началась с девяносто первого года, и закончится, «помнил» Субботин, лишь к две тысячи десятому. Но в Находке чеченцы столкнулись с группировкой «Давыдкина-Вытирайлова», поддерживаемых, как знал Мамаев, милицией, а именно управлением по организованной преступности, действующим по иезуитскому девизу: «цель оправдывает средства». Сейчас группировки были фактически ликвидированы. Многие члены убиты, некоторые арестованы и осуждены. Лидеры находились в розыске. Однако выстрелы и взрывы ещё случались.

Своим хамством Мамаев показал, что похищенный чеченцами «товар», его не интересует настолько, чтобы из-за него рисковать жизнью и здоровьем. Он не хотел давать похитителям рычаги влияния. Что-то они, о том, что Субботина интересует Галина, как женщина, наверное, знали. У чеченцев разведка работает очень неплохо. А Субботин мог и проговориться кому-нибудь о своих чувствах.

Потому того Галину и похитили. И если бы Субботин сейчас раскис, то из него бы «свили верёвку», а Галину всё равно бы не отпустили. Скорее всего, она видела похитителей и смогла бы их опознать.

Всё это понял Мамаев, когда проснулся. Он даже подумал, что пока он спал, разумы Субботина младшего, и Субботина старшего «посоветались» и сделали вывод. Вывод Мамаеву не понравился, но ему пришлось с ним согласиться. Согласиться с тем, что Галину ему не отдадут. Или отдадут, но только лишь для того, чтобы взорвать их вместе.

Звякнула рация.

– Ты, что, охренел? – спросил чей-то голос. – Ты что творишь, Субботин? Если по твоей вине сорвётся операция по освобождению заложника, мы тебя в землю зароем!

– Ты кто? – спросил Мамаев.

– Конь в пальто! – сказал голос. – ФСБ...

– Ну, так вот, конь в пальто ФСБ, скачи и ты нахуй, – сказал Мамаев и прервал разговор. Он прошёл на кухню и, открыв ящик стола, увидел пачку золотого кофе «Лаватца».

– Хорошо живут, – сам себе сказал Мамаев, имея ввиду разведку генштаба вооружённых сил России.

Сам он это кофе не пробовал, но снова всплыла память Субботина, пришедшего из две тысячи двадцать третьего года. Он, кстати, чувствовал, что сейчас Субботин старший доминировал в теле, потому, что Юрий видел всё окружающее, словно со стороны и, что главное, чувства его притупились. Притупились настолько, что возможная гибель его жены уже не казалась ему катастрофой. В голове даже возникла неприятная для Мамаева мысль, что из их двоих: Юрия и Галины, надо спасти того, кого спасти легче. Нельзя оставлять двоих маленьких детей

без обоих родителей. И хоть Мамаев в теле Субботина никак не может сойти за их отца, но посвятить свою жизнь им он в состоянии.

Снова сработал зуммер «Кенвуда».

– Говорите, – сказал Мамаев.

– Слышь, Абдула, – сказал голос с гортанным и одновременно гнусавым акцентом, – ты не горячись, да?

– Я не горячусь. Просто не люблю, когда меня кто-то хочет взять за яйца. Если это конечно не красивая девушка. Или я чего-то не понял? Может быть тот, кто со мной говорил хотел у меня отсосать?

– Я тебе сейчас твои яйца отрежу, – зарычал голос первого переговорщика.

– Тап ала! (Молчи!) – проговорил второй, явно обращаясь к первому.

– Ты найди сначала меня, овца ебаная, – крикнул в рацию даже не Мамаев, а Субботин. – Сейчас я знаю, что вы меня ищите. Не знаю, правда, зачем, но не хаш кушать, это точно. И хрен вы меня найдёте сейчас, если только я сам не захочу, чтобы вы меня увидели.

– Слушай, Абдула, не горячись! – попросил второй чеченец. – Может быть мой земляк был неправ...

– Я его выебу, – услышал Мамаев голос первого чечена.

– Или я тебя! – рассмеялся Мамаев. – Что более всего вероятно. А, так как я не знаю, мужик ты или баба, то трахать буду всех подряд. Каждого чечена или чеченку, кто попадётся мне в руки. Вы первые начали войну. И я вам устрою армагедон похлеще, чем в Находке Вэпс устроил семье Хатуева. И, как Давыдкин, подниму флаг: «Бей чеченцев!». Думаешь не получится? Я уже сообщил своим, что меня выпасают нохчи, и если со мной что случится, или я исчезну, чтобы гасили всех. А желающих пустить вашу кровь предостаточно. Веришь, что тогда вашему бизнесу писдец? Ну, и не только бизнесу. И никакой губернатор вас не спасёт. Но, думаю, он даже вздохнёт с облегчением. Но я отвлекся. Твой земляк всё портит. Убери его от трубки. Говори, что сказать хотел.

В радиации молчали, но связь не прерывалась.

– Если бы я тебя не знал, Абдула, я бы сказал, что за гнилой базар тебе надо язык отрезать и засунуть тебе в жопу... – голос говорящего чеченца тихо рычал. Как это у них получается Мамаев не понимал.

– Мы знакомы? – Мамаев удивился оплошности похитителя.

Чеченец ответил через паузу.

– Заочно, – наконец ответил он. – Но это не важно, ведь ты пообещал всех нас убить.

– Я же сказал, если не договоримся. Не я первый начал. А если ты меня знаешь, то должен знать, что я слов на ветер не бросаю. Это тебе могли бы сказать человек сорок, которые мне или моим друзьям угрожали. Но, к сожалению, уже не скажут.

– Не боишься, что нас слушают?

– Не боюсь. Я уже давно мёртвый и мне на всё и на всех моих врагов насрать.

– Ладно, Абдула! Тебя не переговоришь, – как-то устало сказал чеченец. – А встретиться и поговорить по делу надо. Но ты, как я понял, встречаться и разговаривать не собираешься?

– Встречаться не собираюсь, а поговорить... Говори.

– На такие тему по такой линии мне бы не хотелось.

– Сразу чувствуется человек с высшим образованием, – сказал Мамаев и рассмеялся. – У меня музыкальный слух. Я всё-таки вспомню тебя по голосу. Если мы раньше хоть когда-то разговаривали. Не бойся ничего. Я ни ментам, ни в фээсбэ не сообщал. Никто и не подумает слушать этот телефон. А если и слушают, так хрен на них.

Субботин «старший» захвативший полный контроль над телом так разошёлся и говорил так раскованно и бесстрашно и уверенно, что даже Мамаев, слушавший это всё «со стороны»

тихонько охреневал. А чеченцы, вообще не понимали, что твориться с «клиентов». Вроде бы всё просчитали, а оно вон оно как выходит.

– Ну, хорошо. Поговорим так. Ты в курсе, что тебя хотят назначить положенцем по Приморью? – спросил чеченец.

– Кто? – удивление у Субботина получилось таким естественным, что Мамаев подумал, что Субботин не слышал то, что вчера Мамаеву говорил Кобелев, когда они ехали на конспиративную квартиру.

– Меня? Положенцем? Кто? Москвичи или Джем?

– Джем, конечно. Москва против.

– О, бля! Ни хрена себе! Без меня, меня женили! И что?

– Ну и вот. Я же говорю: «Москва против».

– И-и-и? – непонимающе спросил Субботин.

– Ну и вот. Узнали, что ты будешь вчера на Острякова. Приехали поговорить...

Рация замолчала. Субботин тоже молчал, не помогая собеседнику выбираться из словесного водоворота.

– Не получилось, – закончил фразу чеченец. – Не стану пояснять почему.

– Посчитали, что так я буду сговорчивее? – Субботин рассмеялся так легко и естественно, что на той стороне снова зависли.

– Ты очень сильный человек, Абдула. Мы уважаем сильных людей. И мы хотели бы порешать всё миром. Если ты скажешь, что откажешься от положения, мы вернём тебе женщину, извинимся и выплатим любую компенсацию. В разумных пределах, конечно.

– У тебя точно есть высшее образование, нохч. Называю тебя так, потому что не знаю твоего имени.

– Ничего страшного. Когда-нибудь ты узнаешь его. Или за дружеским столом, или когда один из нас будет смотреть в глаза умирающего врага. И у меня, да, есть высшее образование. Я инженер. Когда-то был. Ваш Горбачёв начал ломать мою жизнь, а Ельцин продолжает начатое.

– Ха-ха! – хохотнул Субботин. – Смотрю, вы нохчи так все перестроились, что расстроились! Ха-ха! Стихами, блять, заговорил! Но не об этом сейчас. Как ты собираешься разойтись миром?

– Приезжай и забирай женщину! – сказал собеседник.

– Я ему уши отрежу, – сказал первый чеченец.

– Ха-ха, – снова не удержался Субботин. – Вы там промеж собой сначала договоритесь, как вы будете решать: миром или не миром.

– Если не замолчишь, я сам тебе отрежу уши, – сказал по-русски второй собеседник. – Не слушай его. Он ничего не решает. Обидел ты его сильно. Сам должен понимать.

– Куда ехать? – спросил Субботин.

– Наш человек встретит тебя на дороге и проводит к месту встречи.

– Я буду не один, ты понимаешь? – хмыкнул Субботин. – Со мной будут мои бойцы. Много бойцов.

– Ты воевать едешь? Зачем тебе много бойцов? Или боишься?

Рация в руке уже жгла руку и Субботин завернул её в кухонное «вафельное» полотенце «не первой свежести» чистоты.

– Не повторяй ошибок своего земляка, инженер, чтобы потом не обижаться на меня.

– Извини, – неожиданно извинился чеченец.

– Ты мудр и я тебя извиняю. Продолжай. Где я должен встретить твоего человека?

– Я не знаю, где ты сейчас находишься, поэтому скажу так. Будешь ехать от остановки Молодёжная в сторону Зари. В двадцати метрах от остановки увидишь скомканную газету. В ней будет лежать пейджер.

– Какой пейджер в газете? На улице дождь?

– Пейджер будет в полиэтилене, – спокойно пояснил нохч. – Если его возьмёшь ты, то на него придёт сообщение с адресом, где будет ждать связной.

– Ну ты, инженер, и закрутил шарманку. Как в шпионском романе. Ты, наверное, не инженер?

– Я военный инженер, Абдула.

– А если его возьмёт мой человек? Я не хочу оставаться лежать на обочине дороги, посечённый обрезками гвоздей.

– А своего человека не жалко?

– Его вы не взорвёте. Какой смысл?

– Если ты помашешь из своего джипа рукой, пусть берёт.

– Ага! Я помашу, а снайпер мне башку развалит? Будет так. Мы подъедем на трёх «Паджерах». Ты мои машины видел? Знаешь?

– Видел! Знаю!

– Ну, и вот... Выйдет Санёк – мой начальник охраны. Знаешь?

– Знаю.

– Порешали?

– Порешали.

– Тогда поехали.

– Закладка будет на месте через тридцать минут.

– Ну и хорошо. Отбой связи.

– Но когда сядет связной, в машине должен сидеть ты. Он тебя знает в лицо.

Субботин отключил «Кенвуд», поставил горячую и почти разряженную рацию в зарядник и посмотрелся в зеркало прикреплённое к стене. Узнать в нём сейчас без парика и линз, делающих его голубые глаза карими, Субботина было не реально. Мамаев посмотрел на себя и горько усмехнулся. Кто он сейчас? Субботин или Мамаев? Кого в нём больше?

Глава 7.

Отослав сообщение Сергею Трифонову: «Извини, но изменились обстоятельства. Встреча отменяется», Субботин выехал на «Тойоте Карина» восемьдесят пятого года выпуска с придомовой стоянки, и направился в сторону Молодёжной. Парик лежал в бардачке между передними сиденьями, коробочка с линзами – в нагрудном кармане рубашки.

Припарковавшись далеко за остановкой, он сходил на остановку в киоск «Союзпечать», где кроме газет и журналов продавали сигареты и зажигалки. Купил и то и другое, вернулся обратно, сел в машину и, приотпустив стекло двери, закурил.

Мелкий дождь забивал через щель в салон, поэтому покурив, он поднял стекло, опустил спинку сиденья и, надвинув на глаза козырёк бейсболки с буквами «NY», «прилёг покемарить». Мелкий дождь шуршал по крыше и застилал каплями окна машины, преломляя проезжавшие мимо машины. Солнце, скрытое сплошным серым маревом, даже не проглядывало.

Тридцать минут после разговора с ножами прошли. Скомканная газета лежала на указанном месте. Её увидел Субботин, когда проходил к остановке и обратно. Что странно, при небольшом ветерке газета не улетала с места, а лишь слегка «трепыхалась».

– «Грамотные ребята, – подумал Мамаев. – Чем-то закрепили. Наверное, прищпилили палаточным крюком. По крайней мере, я бы сделал так. А как иначе?» Мамаев мысленно хмыкнул, отстранённо наблюдая за происходящим. «Своё» тело он почти не контролировал. Да, он мог поднять руки, передвинуть ноги, но ему этого не хотелось. Его воля была подавлена. Мысли о весьма вероятной гибели жены протекали, тревожа, как солёная вода рану.

Он пытался размышлять о том, как он её будет вырывать, но мысли расплывались, как чернила на воде, растворяясь в разуме старшего Субботина, который мыслил рационально и чётко. С его планом Мамаев согласен не был категорически, но своего придумать не мог, а потому и повлиять на ход событий не мог.

В окно постучали. Субботин «открыл» глаза и мазнул по слегка запотевшему стеклу рукой.

– Слыш, браток, не подкинешь до Зари? – спросил молодой парень лет двадцати съевшийся под струями мелкого дождя и прячущий голову за поднятым воротником черной болоньевой куртки.

Субботин посмотрел на наручные часы и отрицательно покрутил головой.

– Не-е-е... Человека жду. На десять часов договорились. Вот-вот должен подойти. Не успею вернуться.

– Таксуешь?

– Деловой партнёр! – серьёзно ответил Субботин.

– Да, уже двадцать минут одиннадцатого. Он уже не выйдет.

– Значит отпишется.

В это время мимо машины проехали известные Мамаеву три джипа «Мицубиси Паджеро», а следом звякнул сигнал пейджера. Субботин вынул прибор из ременного крепления и, прочитав, хмыкнул, крутнув головой.

– Вот козёл! – сказал он. – Точно не выйдет.

Субботин посмотрел своими голубыми до синевы глазами в глаза парня, подумал и сказал:

– Садись. Но только до Зари, окей? Потом я разворачиваюсь и еду на Тихую.

– По делу?

– Живу я там, – хмуро буркнул Субботин.

– Окей! – обрадовался парень и, оббежав машину, провалился в глубокую лужу, образовавшуюся в яме у кромки тротуара, и забрался на левое переднее сиденье спиной вперёд и выливая воду из обуви.

– Вот, блять! – выругался он. – Кроссовкам писдец!

– В сапогах ходить надо, – мрачно сказал Субботин, глянув на свои берцы.

– Военный, что ли? Офицер? – спросил пассажир, тоже глянув на обувь водителя.

– Офицер, – буркнул тот. – Бывший.

– О! И я! Где служил?

– Государственная тайна.

– Да, ладно тебе! Где оно, то государство? При СССР ещё клятву давал, наверное.

– Какую клятву?! Что я тебе, пионер, что ли. Присягу, блять, мы давали! Присягу Родине, блять!

Субботин играл роль рассерженного человека, расстроенного сорвавшейся встречей с «деловым партнёром». Он не знал, случайный ли это «попутчик», или специально подосланный для проверки человек, поэтому обыгрывал ситуацию добросовестно.

– Да, ладно тебе! Присягу! – вроде как обиделся пассажир.

– Слышь? Будешь писдеть, высажу, нахуй!

– Да я и сам выйду! Тормози! – сказал вдруг «пассажир».

– Да и писдуй, – спокойно отреагировал Субботин и прижался к тротуару.

Пассажир вылез из машины, и, поблагодарив словами: «Да и пошёл ты нахуй, патриот советского союза, блять!», с силой захлопнул дверь.

– Шас ебало разворочу, – крикнул Субботин, приоткрывая дверцу и делая вид, что вылезает из машины. Но отвечать за сказанное в интересы бывшего пассажира, видимо, не входило, и он быстро метнулся в сторону остановки «Молодёжная».

– «Понятно, засланный казачок», – сам себе сказал Субботин, прикрыл дверцу машины и повёл её в сторону швейной фабрики «Заря».

В сообщении, пришедшем на пейджер, было сказано: «Остановка «Магнитогорская» в сторону центра. Я буду с книгой, обёрнутой в газету».

– «Шпионы, блять!» – подумал Мамаев, когда Субботин прочитал сообщение.

Субботин же на сообщение не отреагировал никак. Он тогда играл с мнимым пассажиром. А сейчас не стал ехать за своими джипами на Зарю, а нырнул под мост на Моргородке, сбрасывая, таким образом, вполне вероятный «хвост».

По логике Субботина джипы, после того, как возьмут связного, поедут на Тихую. Не станут нохчи возить женщину по городу. Везде стоят милицейские посты. Машины останавливают и осматривают. Субботинскую «Карину» два раза остановили. И если бы не его милицейский «вездеход14» и милицейские же документы, выданные Кобелевым, то трясли бы его, как липку.

Документы были «выданы» Главным управлением по организованной преступности МВД России на имя Мамаева Олега Ивановича.

Субботин решил ехать на Тихую не через Снеговую и Баляева, где в это время дня можно было ожидать пробку, а через центр по улице Светланской. И, так и сделал.

На Магнитогорской сотрудники ЧОПа и загримированный под «Абдулу» Саша «Башкир», который сейчас был больше похож на «Абдулу», чем сам Субботин в своём обновлённом теле, взяли на борт «связного» и, передав шелчками рации, что едут на Тихую, поехали туда, как и было оговорено, через Снеговую.

Как и ожидалось, Субботин «долетел» до предполагаемого места передачи заложницы буквально за тридцать минут, припарковал машину у рынка и двинулся вдоль рядов. В надетых на его голову наушниках, плотно облежавших уши, громко звучал тяжёлый рок.

Он поболтал со знакомой Мамаеву продавщицей колбасного киоска, которая его, естественно, в парике и с коричневыми линзами, не узнала, но откликнулась на правильно названное имя. Мало ли кто её знает из постоянных покупателей, подумала она. Субботин купил кольцо «краковской» и холодец с горчицей. Рядом в киоске «Владхлеба» он купил булку «Подольского» и пройдя по рядам китайского ширпотреба двинулся в сторону дома, где держали Галину.

Он до сих пор не знал «её» адреса, а Кобелев всё не звонил и не звонил.

* * *

– Юра, у вас без него ничего не получится, – в который уже раз говорил Кобелев. – Назови адрес.

– Мне оторвут голову, Слава. Это не моя операция. Неужели ты не понимаешь? – устало проговорил Старовойтов.

– Вы запрете дело. Машины, которые ведут Субботина, вычислят на раз два. Ты же заешь, у нас всего две дороги. Они сейчас погоняют Субботина по кругу и всё поймут. Не будет встречи. У конторы сегодня в наличии только три машины. Все остальные заняты на контрразведовательных мероприятиях. Это мне лично Коля Соцков сказал, Юра. А они же отказались от ваших топтунов?

– Отказались, – признался Старовойтов.

– Они запорют дело. Дай адрес. Никто не узнает, Юра.

– Да, зачем ему адрес, если он катается по городу? – грустно хмыкнул Старовойтов.

– Ты его недооцениваешь. Он сейчас должен быть рядом с адресом. Он ждёт моего звонка.

Старовойтов посмотрел на Кобелева сквозь выпущенный им клуб дыма.

– И какой у него план? Что он сможет один?

– Он просто постучится в квартиру, Юра. И выведет оттуда Мамаеву.

– Они убьют его.

– Другого варианта нет. Будем надеяться, что он сможет договориться.

Старовойтов покачал головой.

– Это безумие.

* * *

Субботин стоял возле киоска с шаурмой и аккуратно, чтобы не изляпаться, поедая мясо-овощную смесь, завёрнутую в лаваш, когда в его наушниках вместо музыки раздался писк рации.

– Абдула? – спросил голос «военного инженера».

– На связи, – машинально ответил Субботин. Он не ждал звонка от похитителей.

– Зря ты затеял с нами такую игру, Абдула, – сказал голос.

– Какую игру? – спросил Сергей.

– Ты работаешь под контролем конторы, Абдула.

– С чего вы это взяли? – хмыкнул Субботин.

– Твои машины ведут.

– Ты правильно сказал, «инженер». Машины ведут, да. А меня нет.

– Как это? – пришло время удивиться «инженеру».

– Да так... Я не с ними. Там мой двойник. И он туда посажен не для вас, а для ФСБ. А сам я нахожусь возле вашего дома.

– Какого дома? – чуть запинаясь, спросил нохча.

– Волкова один «а».

– Откуда ты знаешь?

– Всё оттуда! Откуда и то, что на женщине надет пояс шахида, и то, что вас не штурмуют только из-за этого. Но номер квартиры я не знаю. Узнать не удалось. Поэтому, если хочешь выжить, говори квартиру и я вас выведу.

– Почему я должен тебе верить? – спросил спокойно нохча.

– Потому, что это полный бред. И торопись. Они сейчас слушают наш разговор.

– Мы взорвём дом, – спокойно сказал чеченец.

– Тогда я останусь жив. Быстрее «инженер»! Время уходит!

Во время разговора Субботин уже двинулся в сторону дома и сейчас находился у первого от дороги подъезда.

– Двадцать четыре. Четвёртый от дороги подъезд.

– Я знаю.

Субботин ускорил шаг, почти побежал и вошёл в подъезд вместе с не особо спешащей мило воркующей, вероятно семейной, парой.

– Извините, – сказал Субботин, раздвинув их и протиснувшись между ними, метнулся к лифту.

– Обоссался что ли? – грубо бросил мужчина.

– Хуже, – крикнул Субботин, нажимая кнопку шестого этажа.

Дверь квартиры номер двадцать четыре распахнулась, едва он коснулся кнопки звонка. Сразу две руки схватили его и вдёрнули вовнутрь и начали обшаривать.

– Осторожно, – сказал Субботин, прижимая спиной закрывшуюся дверь. – На мне десять килограмм пластида, а в правой руке размыкатель.

– Вот, блять! – выругался один из встречающих, и Субботин узнал по голосу «инженера». – Пустили козла в огород.

Второй чеченец кинулся в комнату и вернулся с упирающейся Галиной.

– Ты взорвёшь её?! – прохрипел он.

– Да, мне похер, если честно, с ней умирать, или без неё. Мне важно вас с собой забрать. Вы же всё равно приготовили для меня сюрприз?! Да?

– Какой сюрприз? Что ты имеешь в виду? – спросил «инженер».

– На ней же тоже пояс шахида?

Субботин показал левой рукой на женщину, одетую в пышную мохеровую кофту.

«Инженер» криво ухмыльнулся.

– Слушали, да?

Второй чеченец «плюнул» чем-то своим гортанным. Сергей прекрасно понял, что сказал нохча, тем более, что кроме международного слова «блять» и «шайтан» в ругательстве было ещё два.

– Слушали и слушают. Почему ты так удивлён? Уж что-что, а слушать и писать «контора» умела всегда. Заложников освобождать не может, а всё остальное – на пять с плюсом. Однако...

Субботин лукаво посмотрел на «инженера» и пренебрежительно покосился на второго. Он немного помолчал и очень тихо сказал:

– В ваших интересах снять с неё взрывчатку. Иначе вас взорвут свои же. Как только мы выйдем из подъезда. Ведь они сидят через стенку, да? Пульт взрывателя у них? Ведь те квартиры смежные?

Субботин, со слов Кобелева знал, что ФСБ прослушала смежные квартиры под номерами: 21, 22, и 23, и пришли к выводу, что и в них находятся террористы.

– Всё-то ты знаешь, – криво ухмыльнувшись, сказал «инженер». – А если мы шахиды?

– Если бы вы были шахиды, то уже сейчас пировали бы на небесах рядом с аллахом. – Мои десять килограмм пластида и ваши... Э-э-э... Килограмм пять, наверное... Пятнадцать килограмм разрушили бы полдома.

– Это вряд ли, – ухмыльнулся «инженер». – рухнет только этот подъезд.

– Рухнул бы, – поправил Субботин. – Снимай.
– Я готов умереть, Ахмат, – крикнул второй чеченец.
– Закрой пасть, слушай старших и выполняй приказы, – пролаял по-своему «инженер» и второй, почему-то сник. – Нам поручили решать определённый вопрос. И мы его решим, чего бы это нам не стоило. И если надо мы умрём... Но... Вдруг есть другой путь? Надо послушать этого гяура.

И Субботин, и Мамаев знали чеченский поэтому всё, что сказал «инженер» Субботин понял, но вида не подал.

– Ты хотел нам что-то предложить? Как ты хотел нас вывести?

– Всё очень просто. Мы выходим и идём к моей машине. Она стоит возле рынка. Вы никуда не убегаете. Шаг в сторону – пуля снайпера.

– Ха! – рассмеялся «инженер». – Они снимут нас уже на выходе из подъезда.

– Да-а-а... Я об этом не подумал, – сказал Субботин и прижал палец к губам. – Вот сука. Снимать пояс нельзя.

Он пальцем попросил «инженера» приблизиться. Тот непонимающе зыркнул на него и, не опуская пистолета, прижатого к правому боку, сделал неуверенный шаг вперёд. Субботин склонился к его уху и сказал:

– Снимайте. Они, – он сделал движение глазами вокруг, – об этом не узнают и выстрелить побоятся.

«Инженер» посмотрел на Субботина и усмехнувшись, сказал:

– Хитрый да? Мы не будем снимать с неё пояс, пока не решим нашу проблему.

– Какую проблему? – удивился Субботин. – Ты про моё назначение положенцем?

Чеченец кивнул.

– Я, что, блять, больной что ли? Мне-то это зачем? – «вскинулся» Субботин.

– Как зачем? – удивился «инженер». – Это большие деньги.

– Мне хватает моих денег, легальных. А будет скоро ещё больше. И я не хочу попадать под пресс и ментов, и братвы. Мне хватает легального бизнеса.

– Точно?

– Чтоб я сдох!

«Инженер» усмехнулся.

– Ну, тогда пошли, – сказал он.

Субботин показал на заложницу. Старший похититель отрицательно покачал головой и показал левую руку, сжимающую пульт.

– Это пульт от взрывателя. Там, – он показал на стену. – Никого уже нет. Пульт работает на размыкание. Меня не надо убивать.

– Рука не устала?

– А твоя?

Субботин не стал долго раздумывать.

– Пошли? – спросил он.

– Пошли, – согласился «инженер».

– Ничего не бойся, – сказал Субботин, обращаясь к Галине. – Мы будем жить. С детьми всё в порядке. Они вчера ночевали у соседки. Сегодня наши ребята о них позаботятся.

Субботин понял, что сказал не то, что было надо, потому что глаза женщины расширились и наполнились слезами.

– С нами всё будет в порядке, – успокоил он.

Старший чеченец усмехнулся одной стороной лица.

– И да... Ещё... Она не должна нас «вспомнить». Иначе ей не жить. Рано или поздно её убьют.

– Она вас уже забыла.

Однако женщина покрутила головой и оглянувшись на второго нохчу тихо проговорила.
– Эту суку я не забуду.

Тот ослабился.

– Понравилось, да?

Женщина как-то изогнулась через спину и мазнула его своей правой кистью по лицу. Чеченец вскрикнул. По его лицу из глубоких алых борозд потекла кровь.

– Ах, ты блять, – выругался нохча и направил оружие на неё.

Женщина презрительно смотрела на убийцу, губы её дрожали.

– Убей! Убей! – закричала она. – Всё равно мне с этим не жить!

Галина упала на колени и заплакала.

Субботин не двигался, но, судя по лицу, был на грани срыва. «Инженер» смотрел на него внимательно, потом ухмыльнулся.

– Хватит истерик, – сказал он. – Пошлите уже.

Он сунул оружие куда-то под куртку и поднял женщину за локоть.

– Выходим парами. Ты уверен, что нас слышат и не станут стрелять?

– Уверен.

Субботин сам открыл ключом дверь, закрытую на замок и первым вышел на площадку.

– Пешком, – сказал «инженер». – Вниз!

Субботин пошёл вниз. Следом за ним шел Ахмат, ведущий Галину. За ними второй чеченец, зачем-то упирившийся пистолетом в спину женщине. Субботин, заметив его тычки, обернулся и бросил:

– Сюда иди, нохча. Мне в спину потыкай стволом. У неё одна почка, у меня две. Ещё стрельнешь ненароком.

Женщина от сказанного Субботиным округлила глаза и изумлённо посмотрела на него.

«Инженер» усмехнулся и пропустил нохча вперёд.

Из подъезда они вышли свободно, никого не встретив. На улице тоже ничто не предвещало беды. Метров за двадцать не доходя до своей машины, Субботин увидел группу парней в кожаных куртках, что-то оживлённо обсуждавших. Один из них то и дело тыкал пальцем на «Тойоту Карину», на которой он приехал.

У Субботина от предчувствия защемило сердце. Эту территорию держала армянская группировка, опиравшаяся на родственника, служившего в милиции. Группировка относилась к «Миховцам», которые, как понимал Субботин, тоже желали бы от него избавиться.

Подойдя ближе, Субботин услышал:

– Да не может Абдула передвигаться на таком уёбище, – сказал один амбал.

– А я говорю, приехал.

– Может, не он? – спросил другой.

– Рынок проверили? – спросил третий.

– Нет его нигде, – сказали сразу двое.

Тут тот, кто убеждал старшего в том что «Карина» Субботинская, посмотрел вперёд и его рука с оттопыренным указательным пальцем поднялась, палец устался в Субботина.

– Вон он! – тихо сказал парень.

Все бандиты обернулись. Вероятно, им представилась удивительная картина: «Субботин уверенной поступью движется в авангарде чеченцев»

– О! – вскрикнул один. – И Мамаевская баба, та, что в розыске! Точно – он.

– Валим, – сказал другой. – Тут менты скоро будут.

– Валим, – сказал главарь и выхватил пистолет «ТТ».

Субботину ничего не оставалось делать, как встать на пути выстрела, ловя пулю правым плечом, чтобы защитить Галину. У него не было оружия, кроме двух метательных ножей, прикреплённых к предплечным ножнам. Из рукавов куртки торчали «фирменные» лэйблы на

узких коротких ленточках на надписью Jorg Veber, за которые ножи и выдёргивались. Но он не успевал ими воспользоваться. До бандитов оставалось ещё метра три.

Видя смещение ствола пистолета влево, Субботин шагнул вперёд и качнул маятник влево, и поймал вторую пулю левым плечом. Как обычно в схватке время для него растянулось. Это не было что-то сверхневероятное. Такие эффекты отмечали все, занимающиеся контактными единоборствами и участвовавшие в настоящем бою, не на жизнь, а на смерть.

У тренированного бойца мозг отключает разум и действует самостоятельно, управляя телом. А разуму кажется, что он наблюдает бой со стороны, отмечая в это время детали природы, замечая то, на что в обычное время и не обратил бы внимание.

Субботин увидел, как ещё двое бандитов выхватили оружие и понял, что ему ничего не остаётся делать, как нажать кнопку дистанционного взрывателя. Он упал на колени и нажал.

Вся взрывчатка находилась в металлической коробке без «крышки» и была сконцентрирована на его животе, прикрытом от неё керамической пластиной бронежилета, поэтому взрыв направил заряд узким расходящимся веером прямо в плотно стоявшую возле его машины группу бандитов.

Конечно, у него было не десять килограмм взрывчатки, а всего грамм восемьсот, но этого силы подрыва и количества заряда вполне хватило, чтобы пятимиллиметровые шарики от подшипников поразили всех нападающих.

Бандиты разлетелись как кегли, и если бы не несчастная «Тойота Карина», тоже изрешечённая шрапнелью, конечно пострадали бы невинные граждане, но Субботин всё рассчитал правильно, но не до конца. «Инженер» шарахнулся от взрыва и попал прямо в объятия идущей навстречу им пожилой женщины с сумками, которая попыталась уклониться от падающего на неё тела, споткнулась и, обхватив чеченца руками, повалилась навзничь, увлекая мужчину за собой.

Одновременно с этим её правая рука скользнула к нему в карман. Её пальцы сомкнулись на его кулаке, а левая рука ударила его по горлу.

Второго чеченца убил снайпер после того, как Субботин упал на колени, но этого он уже не увидел. Несколько шарообразных зарядов поразили его бёдра, повредив артерии, и через несколько минут Субботин истёк кровью.

Глава 8.

Сотрудники Федеральной Службы Безопасности быстро оцепили место происшествия. Милиция разогнала любопытствующий народ. Откуда-то появился СОБР и крепкие ребята в бронезилетах с автоматами и надписью ФСБ.

Галину Мамаеву закутали в чёрный офицерский плащ и спрятали в микроавтобусе «Тойота Хайс» с чёрными тонированными стёклами. Убитого террориста накрыли куском зелёного брезента. Раненого чеченца с замотанным чёрной тканевой изоляцией правым кулаком и надетыми на руки наручниками посадили в автомашину УАЗ и увезли.

Субботину врачи «скорой помощи» наложили «жгуты» и сразу повезли в ведомственную больницу на прапорщика Комарова 16. Так распорядился курирующий операцию по освобождению заложников офицер ФСБ сопровождавший Субботина. Однако врач «скорой», исполняя приказ, лишь покрутил головой.

– В морг его надо, товарищ полковник. В морг.

– В морг мы всегда успеем. Ставьте капельницу.

– К чему кровь тратить? – возмутился эскулап. – Прошло более двадцати минут. Невосполнимая потеря крови.

– Так восполняйте!

– Сердце стоит. Не потечёт кровь. Сердце не качает.

– Так, запустите, вашу мать! – вызверился полковник.

Медсестра ловко вставила в вену левой руки Субботина толстую иглу и принялась реанимировать.

– Открытый массаж сердца нужен. Так не получится.

– Дефибриллятор пробовали?

– Пробовали. И не надо на меня орать. Орите на ваших дуболомов, что наложили неправильно жгуты. Чему у вас учат?

– Те, кто накладывал жгуты, тоже своё получают, – мрачно сказал полковник. – Вы делайте свою работу, майор!

– Мы и делаем. Но у раненого нет пульса и дыхания более получаса.

– Качайте, доктор, качайте. Вон, видите, кровь в вену уходит.

Кровь из прозрачного пакета, действительно, хоть и медленно, но уходила.

– Интересненько, – пробормотал врач. – Ну ка, Ирочка, дайте я.

Он принялся давить на грудную клетку с частотой сто двадцать нажимов в минуту, постоянно считая вслух, как метроном:

– Раз-и, два-и, три-и...

– «Наверное ещё и музыкант», – отметил мимоходом полковник.

После тридцати нажатий, медсестра два раза качнула воздух. Врач, после вентиляции лёгких продолжил компрессию грудной клетки, искоса поглядывая на убывающую из пакета живительную субстанцию.

– Удивительно, – произнёс он во время очередной паузы, приложился стетоскопом к грудине и приказал. – Тихо! Сирену выключи!

Теперь кроме звуков мотора, который тоже вроде как притих, слышалось только поскрипывание корпуса микроавтобуса при его лавировании между ям. Не смотря на то, что они ехали по центральной улице города, шофёру было не легко. Ведь ему приходилось уворачиваться и от крутых тачек и проскальзывать между потоком и трамваями.

– Сука! – вдруг выдохнул врач. – Стукнуло!

Он замер и через минуту снова выдохнул:

– И ещё раз! Невероятно! – сказал он, вытер тыльной стороной ладони пот и снова принялся жать на грудь пациента, но уже выдыхая в такт слова ритмичной песни:

– Синий, синий и-иней лёг на провода-а...

Щёки Субботина порозовели.

Полковник удовлетворённо откинулся на спинку переднего сиденья. Его взгляд упал на лежащую на передней панели папку, где лежали документы раненого Субботина. Или не Субботина? Полковник не стал снова открывать папку, хотя желание такое возникло, и решил оставить подробное их изучение до кабинета.

А изучать было что...

Судя по удостоверению, да и по внешнему виду, этот человек не был Субботиным. Это был Мамаев Олег Иванович, полковник федерального главка управления по организованной преступности. К удостоверению личности прилагалось и командировочное удостоверение, согласно которому Полковник Мамаев направлялся в г. Владивосток по служебному поручению следователя главка Попова А.Р.

Мысленно он представил удостоверение Мамаева Олега с цветной фотографией и голографической печатью – таких удостоверений не было даже у краевых сотрудников ФСБ – и вспомнив, как его поразили голубые глаза, спросил:

– Доктор, а с глазами у раненного всё в порядке?

– А, что, глаза? – удивился от. – Глаза, как глаза...

Майор-медик посмотрел на закрытые веки уже дышавшего пострадавшего. Он, естественно, в ходе первичного осмотра заглядывал ему в зрачки, но...

– Вот, блять! – ругнулся он, и стукнул себя по лбу. – Линзы! У него ведь контактные линзы!

Доктор склонился над лежащим на носилках-каталках человеке и приоткрыл ему веки. Машину подкинуло на ухабе, линза выпрыгнула из-под надавивших на глаз пальцев, упала на пол машины, и... исчезла.

– Майор, сука! Ты что творишь?! – вскрикнул полковник.

Врач дёрнулся, нагнулся, чтобы поискать линзу, но полковник, увидев, как тот семенит ногами, вскрикнул, аж взвизгнув:

– Майор, мать твою! Сиди смирно и не шевели копытами! Вещдок затопчешь!

Однако в это время машина скорой помощи, на мгновение притормозив в воротах больницы ФСБ, въехала на территорию и остановилась возле дверей приёмного отделения. Её задние двери машины открылись и врач, пригибаясь и испуганно оглядываясь на сопровождающего, засеменил на выход.

Полковник снова матерно выругался, поминая родственников майора, дождался пока выкатят раненого из машины и, крикнув: «за вторую линзу головой отвечаешь!», стал искать первую. Нашёл он её, как не странно, очень быстро.

В приёмном отделении нового пациента больницы быстро осмотрели, сняли с его правого глазного «яблока» вторую линзу с нарисованной на ней коричневой «радужкой» и укатали в операционную. Полковнику же выдали «расписку о приёме больного» с описанием наличествующих на его теле повреждений.

Захватив закрытую крышкой склянку с плавающими в бесцветной жидкости пластиковыми кругляшами, полковник не стал спускаться в подвальные переходы, а вышел на улицу и отправился в «управление» по «воздуху», не обращая внимания на снова начавшийся мелкий и противный дождь. Несмотря на то, что вместо Сергея Субботина на месте задержания преступников оказался неустановленный субъект с документами сотрудника аж «федерального милицейского главка», настроение у полковника было хорошее. Из своих сотрудников, местных милиционеров и граждан никто не пострадал, ранее похищенная бандитами вдова Юрия Мамаева была освобождена, один из похитителей задержан живым.

Прокрутив эти мысли в голове, полковник вдруг ощутил жар в лице и пробежавшую по телу дрожь. Он понял, что его смутило в документах раненного милиционера – фамилия. Он лично не знал Юрия Мамаева и не акцентировал внимание на фамилии жертвы похищения. А потому сразу не сопоставил эти фамилии с фамилией, указанной в милицейском удостоверении.

– Вот, блять! – сквозь зубы ругнулся он и добавил. – Час от часу не легче.

Но с другой стороны, он мысленно поблагодарил всех богов за то, что надоумили его, ибо выглядеть идиотом перед ожидавшим его с докладом «начальством», это считай получить от него «чёрную метку».

Предварительно зайдя в аналитический отдел, полковник сделал запрос в Москву с пометкой «молния» о наличии в штате милицейского главка УБОПа сотрудника Мамаева Олега Ивановича и о выдачи главком удостоверения с таким-то номером. В случае подтверждения попросил выслать его установочные данные, приметы и фотографию. Только после того, как пришёл ответ, что такого сотрудника в штате главка нет, а номер удостоверения числится за главным разведывательным управлением, полковник отправился на доклад к начальнику Приморского ФСБ.

Юрия Мамаева прооперировали удачно и переместили в реанимационную. Вскоре он очнулся и удивился, что остался жив. Голова его болела и «гудела», грудная клетка, принявшая удар взрыва саднила и чесалась, ноги, хоть и болели, отходя от наркоза, присутствовали. Последнее Юрия особо радовало, так как последнее, что он помнил, потеряв сознание, это рваные кровавые раны на бёдрах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.